

Глава XIX

КУБИНСКАЯ ПАНАЦЕЯ: 1962

14 октября 1962 года над Кубой пролетел американский самолет-разведчик У-2. В ту же ночь привезенные им фотоснимки, снятые с высоты шестидесяти пяти — семидесяти тысяч футов, настолько подробные, что на них были отображены объекты всего в полфута длиной, были проанализированы в исследовательском центре ЦРУ. На снимках было видно, что Советский Союз монтирует на Кубе пусковые установки для баллистических ракет, способных достичь Соединенных Штатов. На следующий день сообщение об этом прочел советник по национальной безопасности Макджордж Банди; президент Кеннеди получил информацию лишь утром 16 октября, вернувшись из предвыборной поездки. Он сидел на кровати в халате и домашних тапочках, когда Банди сообщил ему дурную весть. Просмотрев снимки, президент сказал: «Возможно, придется их разбомбить»¹.

Кеннеди и его советники были поражены и озадачены. Сообщения о советском военном строительстве на Кубе приходили с начала июля, однако Кеннеди, Банди, Риск, Макнамара и другие не могли поверить, что СССР разместит на Кубе ракеты, нацеленные на США. В августе новый шеф ЦРУ Джон Маккоун, получив сообщение, что на Кубу прибыли советские ракеты «земля-воздух», начал догадываться о намерениях противника. Но Кеннеди не желал прислушиваться к его догадкам — отчасти потому, что республиканцы во главе с сенатором Кеннетом Китингом кричали об опасности советского проникновения в Западное полушарие и обвиняли администрацию в недостатке бдительности. Кроме того, Белый дом просто не мог поверить, что Хрушев решится грозить Соединенным Штатам на их собственном «заднем дворе», особенно после того, как мно-

го раз клялся этого не делать. Роберт Кеннеди отреагировал на новость 16 октября в совершенно недипломатическом стиле: «Черт побери, ну и дерьмо! Сукины дети эти русские!» Раск усомнился, что Хрущев «вполне разумен». Президент Кеннеди в тот же день сказал своим советникам, что Хрущев «играет в Господа Бога»; но «Почему он... может быть, эксперты по России могут нам сказать, почему они...» — и заключил: «Черт побери, для меня это полная загадка»².

Кеннеди и его помощники (окрестившие себя Исполнительным комитетом при Совете национальной безопасности) тайно встречались в течение нескольких дней, обсуждая проблему и пытаясь найти решение. Перед объявлением блокады Кубы, последовавшим 22 октября, и в течение следующих шести дней (до кризиса, разразившегося 28 октября) они старались понять мотивы Хрущева и угадать, что он станет делать дальше. Возможно, он отправил на Кубу ракеты, чтобы компенсировать превосходство американцев в ядерном вооружении. Это объяснение устраивало высших военных чинов, настаивавших на том, что кубинские ракеты могут сыграть большую роль во время ядерного конфликта; но секретарь по обороне Макнамара возражал им, говоря, что от этого хода Москва не получает никаких особых преимуществ. Другая гипотеза, выдвинутая бывшими послами Боленом и Томпсоном, гласила, что Хрущев хочет посчитаться (и, возможно, поторговаться) за американские ракеты, расположенные в Турции и нацеленные на СССР³. Самому Кеннеди более привлекательной казалась версия, что появление ракет связано с Берлином. Томпсон, всего три месяца назад покинувший Москву и знавший Хрущева лучше, чем кто-либо из американцев, полагал, что лидер СССР хочет таким образом усилить свою позицию в предстоящих переговорах. «Мистер президент, — сказал Томпсон Кеннеди 22 октября, — в нашем последнем разговоре он ясно дал мне понять... что не отступит от занятой позиции. Он зашел слишком далеко... Он дал мне понять, что время уходит...» По мнению Томпсона, Хрущева заботил «главным образом берлинский вопрос»⁴.

Президент Кеннеди видел и другие связи между Берлином и Кубой. Если Соединенные Штаты не смогут добиться вывоза ракет с Кубы, мировое сообщество усомнится в способности Вашингтона защитить Берлин. Если Америка блокирует Кубу, русские в ответ могут заблокировать Берлин. Если Соединенные Штаты вторгнутся на Кубу или нанесут ей удар с воздуха, Москва захватит Берлин — и европейцы

будут винить в этом американцев, испугавшихся опасности, с которой Западная Европа живет бок о бок уже много лет. Кеннеди невольно «восхищался советской стратегией», признался он 22 октября своему старому другу, британскому послу Дэвиду Ормсби-Гору. «Они открыто бросили Соединенным Штатам вызов, прекрасно понимая, что, если американцы ответят на него силой, у русских появится идеальная возможность захватить Западный Берлин. Если же, с другой стороны, он [президент] ничего не сделает, союзники США в Латинской Америке и в других местах почувствуют, что Вашингтон не может защитить их от распространения коммунизма и что на него лучше не полагаться»⁵.

Раск высказал еще одну гипотезу: возможно, за прошедшее ответствен не Хрущев, а «твердолобые сторонники эскалации напряжения»⁶. Единственное объяснение, не пришедшее в голову никому в Белом доме, было самым простым и близким к истине: если верить русским, они просто-напросто хотели защитить своего союзника Фиделя Кастро от нападения США. Впрочем, этим история не исчерпывалась.

Помимо стратегии Хрущева, Кеннеди и его советники пытались разгадать его тактику. «Нам следует исходить из того, — заявил Кеннеди 22 октября, перед тем, как сделать публичное заявление о ракетах, — что Хрущеву известно, что мы знаем о его ракетах, а значит, он уже подготовил свой ответ». 26 октября Кеннеди откровенно восхищался тем, как ловко Хрущев пользуется своей репутацией агрессивного и несговорчивого упряма: «Если уж ты — сукин сын, то всякий раз, как ты проявишь хоть какую-то уступчивость, все вокруг размякают от радости»⁷.

Однако, если приписывать Хрущеву такую сообразительность, — почему же он, по выражению Раска, «столь безумно недооценивал значимость Кубы для Вашингтона»? Почему не спрятал ракеты? Зачем оставил в открытом поле, где их неминуемо должны были заметить американские разведывательные самолеты? «Может быть, когда-нибудь потом русские мне объяснят, — сказал Кеннеди 25 октября, — почему они их не замаскировали, зачем спешно камуфлируют сейчас и на что вообще они рассчитывали». Не говоря уж о том, почему 26 октября Хрущев предложил способ выхода из кризиса, а на следующий же день передумал. «Как можно иметь дело с человеком, который меняет свое решение прежде, чем мы успеваем ответить, — жаловался 27 октября Макнамара, — и публично объявляет о своих предложениях прежде, чем отправить их нам?»⁸

Очевидно, Хрушев не продумывал свое поведение и не готовил тактических планов. Реакция американцев оказалась для него неожиданностью: он начал импровизировать, и всему человечеству очень повезло, что кризис окончился благополучно. Что же касается Кеннеди — сперва его угрозы Кубе повлекли за собой кризис, который он не смог предвидеть, а затем он почти прижал Хрущева к стенке, несмотря на риск войны. По счастью, в конце концов обоим хватило мужества отступить и кризис окончился примирением: но в эти несколько дней мир ближе, чем когда-либо, подошел к угрозе ядерной войны.

Историкам Карибского кризиса еще предстоит ответить на важнейшие вопросы. Зачем Хрушев отправил на Кубу ракеты? Что собирался с ними делать, если бы их не обнаружили? Почему не позаботился об их маскировке? Наконец, как смог найти мужество отступить?

Ответы на эти вопросы необходимо начать с самой Кубы. Предположение, что в деле играли свою роль берлинский вопрос и ядерный баланс двух держав, тоже верно, но не совсем в том смысле, как это понимал Вашингтон. Кроме того, необходимо учитывать внутрисполитическое положение Хрущева в 1962 году: со всех сторон окруженный проблемами, он испытывал растущее раздражение, остро чувствовал необходимость доказать (как себе самому, так и другим) свою дееспособность и перехватить инициативу, даже если ради этого придется пойти на большой риск. В этом смысле кубинские ракеты были для него панацеей — правда, панацеей, в конечном счете ничему не помогшей и никаких недугов не исцелившей.

Поначалу Куба не представляла для Москвы никакого интереса. Сталин смотрел на Латинскую Америку в целом как на далекое захолустье, не стоящее ни малейшего внимания. Хрушев приветствовал революции, приносящие СССР новых союзников в развивающихся странах, но в январе 1959-го, когда силы Фиделя Кастро высадились в заливе Сьерра-Мадре и захватили Гавану, в Москве не знали, кто они такие и за что сражаются. Даже выяснив, что брат Фиделя Рауль — коммунист, и подозревая, что сам Фидель симпатизирует коммунизму, Москва не знала, стоит ли подавать ему руку помощи. В сентябре 1959-го, пока Хрушев был в Соединенных Штатах, Президиум по совету Министерства иностранных дел решил не предоставлять Кубе военную помощь — решение, принятое из страха перед реак-

цией США. Однако, вернувшись домой, Хрущев заявил, что силы Варшавского договора должны отправить в Гавану вооружение⁹. Та же ситуация повторилась три года спустя: коллеги Хрущева проявляли разумную осторожность, но он безрассудно отметал их предупреждения.

В 1960—1961 годах Москва и Гавана очень сблизились и, соответственно, военная помощь Кубе выросла. В феврале 1960-го Кубу посетил Микоян. Кастро совершенно его очаровал, и Микоян вернулся в Москву вполне убежденным: «Да, он революционер. Такой же, как мы. Я чувствовал себя так, словно вернулся в дни юности»¹⁰. То же самое чувствовал и Хрущев, особенно после объятий с Кастро в Гарлеме. Для него Куба стала «прожектором, желанным маяком для всех обездоленных и ограбленных народов латиноамериканских стран»¹¹. Когда отношения Кубы и США омрачились и Кастро начал опасаться американского вторжения, Хрущев сделал еще один шаг навстречу кризису: 9 июня 1960 года, перед встречей с советскими учителями, на которой присутствовала и его бывшая учительница из Калиновки, он объявил, что Советский Союз готов защищать Кубу ядерным оружием: «...если агрессивные силы в Пентагоне осмелятся вторгнуться на Кубу, советские артиллеристы поддержат ее ракетным огнем»¹².

Пока что угрозы Хрущева были чисто риторическими; однако они оправдали себя. Правда, они не предотвратили вторжение США, поскольку к таким мерам вашингтонская администрация была еще не готова: начальные ее действия — например, поддержка с воздуха мятежников в провинции Орьенте в сентябре 1960 года — были очень слабыми и неуверенными. Однако Кастро был благодарен СССР и потому готов перейти в советский лагерь. В ноябре он заявил (искренне или нет — неясно), что со студенческих лет был марксистом. Незадолго до инаугурации Кеннеди в январе 1961-го снова возникла угроза американского вторжения: однако и на этот раз ничего не произошло, как полагали в Москве и Гаване, — благодаря советским угрозам¹³.

Вторжение, которого так долго ждали, наконец состоялось: это ни для кого не стало сюрпризом, но многих удивило то, что вместо собственных морских пехотинцев американцы отправили в атаку кубинских эмигрантов и не решились поддержать их военной силой. Кастро одержал верх; однако Хрущев опасался, что Кеннеди предпримет вторую, лучше подготовленную попытку. Военно-морская база США на Гуантанамо давала прекрасный предлог: достаточно было заявить, что кубинцы напали на базу, а затем

нанести удар ради «самозащиты». Когда Хрущев спросил своего министра обороны, сколько времени понадобится американцам для победы над армией Кастро, Малиновский ответил: «Два-три дня»¹⁴.

Американцы в самом деле планировали агрессию. Вслед за неудачным вторжением Вашингтон развернул против Кубы политическую и экономическую «войну», организовал в Карибском море агрессивные маневры и подготовил план «Мангуст», включавший в себя диверсионные рейды, попытки убийства Кастро и, в конечном счете, вторжение на Кубу в октябре 1962 года. Правда, администрация Белого дома одобрила лишь те меры из списка «Мангуста», которые не могли «вызвать в этом регионе народные возмущения, могущие потребовать интервенции вооруженных сил США». Однако ни СССР, ни Куба об этом не знали¹⁵. Если Хрущев и сомневался, что Соединенные Штаты намереваются покончить с Кастро, его сомнения рассеял сам Кеннеди в своем интервью, данном Алексею Аджубею в Вашингтоне 30 января 1962 года. Согласно американским сообщениям об этой встрече, Кеннеди заявил, что Соединенные Штаты психологически не готовы к наличию у себя под боком недружелюбного соседа, заметил, что «СССР реагировал бы так же, если бы в непосредственной близости от его границ вдруг объявилось враждебное государство», и «в этой связи напомнил о советской реакции на венгерское восстание». Аджубей, вернувшись в Москву, пересказал Хрущеву реплику Кеннеди в куда более живых красках: по его словам, Кеннеди рассказал, как после неудачного вторжения на Кубу вызвал к себе шефа ЦРУ Аллена Даллеса и распек его в таких выражениях: «Я ему говорю: учитесь у русских. Когда у них в Венгрии начались сложности, они покончили с конфликтом в три дня... Но вы, Даллес, никогда не были на это способны»¹⁶. Вполне возможно, что Аджубей несколько преувеличил пафос Кеннеди; так или иначе, Хрущев был обеспокоен и ожидал худшего.

В феврале 1962 года началось массированное развертывание на Кубе советской военной помощи. Поскольку КГБ доложил, что вторжения американцев в ближайшие месяцы не ожидается, поставки ракет СА-5 «земля — воздух» поначалу были отменены. Однако два месяца спустя Хрущев вновь поднял вопрос о размещении на Кубе ракет средней дальности. В то же время произошли еще два тревожных события: во-первых, американцы начали в Карибском море масштабные маневры, и во-вторых, в результате ссоры Фиделя с соратником — просоветским коммунистом Анибалем Эска-

ланте — появилась опасность, что Фидель сблизится с Мао Цзэдуном¹⁷. И то и другое страшило Хрущева. Потеря Кубы — «это был бы большой удар по марксистско-ленинскому учению, и это отбросит нас от латиноамериканских стран, понизит наш престиж». Поражение Кастро Хрущев рассматривал «как свое собственное», вспоминал позднее Сергей Хрущев. По словам Трояновского, на Хрущева «постоянно давило опасение, как бы США и их союзники не вынудили СССР и его друзей отступить». Тогда «ответственность за это пала бы на него». Он часто повторял предсказание Сталина, что империалисты передушат его наследников «как котят». Масла в огонь, по мнению Трояновского, подливали постоянные обвинения в «капитулянтстве перед империализмом»¹⁸, на которые не скупился Мао Цзэдун.

Но если Хрущев хотел защитить Кубу, почему он не использовал обычные вооружения? Почему просто не разместил там советские войска (как американцы — свои войска в Европе), которые при попытке вторжения превратили бы конфликт в советско-американский? Если, наконец, ему хотелось непременно использовать ядерное оружие — почему бы не ограничиться ракетами малой дальности, вполне способными защитить Кубу от интервенции? Вашингтон поразило именно использование ракет средней дальности, риск применения которых столь явно превышал любую выгоду. Администрация Кеннеди так и не поняла логики Хрущева — а логика была проста:

«Я пришел к выводу, что если мы все сделаем тайно и американцы узнают про это, когда ракеты уже будут стоять на месте, готовыми к бою, то перед тем, как принять решение ликвидировать их военными средствами, они должны будут призадуматься. Эти средства могут быть уничтожены США — но не все. Достаточно одной четверти, даже одной десятой того, что было бы поставлено, чтобы сбросить на Нью-Йорк одну-две ядерные ракеты, и там мало что останется... Я не говорю, что там все погибли бы. Нет, не все бы погибли, но трудно сказать, сколько не погибло бы... Думалось, что это сможет удержать США от военных действий»¹⁹.

Как видим, Хрущев действовал согласно своей излюбленной стратегии: ракеты предназначались не для реальных боевых действий, а для шантажа и запугивания противника. Возможно, Эйзенхауэр его бы понял — он и сам не отказывался от шантажа такого рода. Но не таков был Кеннеди: он относился к угрозе ядерной войны вполне серьезно и стре-

мился достичь в гонке вооружений существенного превосходства. Хрущев же рассуждал проще: пока у Москвы остается хотя бы минимум ядерного оружия, способного поразить территорию США, американцы будут его бояться. Пока это оружие будет размещено на Кубе — американцы ничего не сделают ни с Кубой, ни с самим Кастро.

До 1962 года Хрущев постоянно хвастал массовым производством в СССР межконтинентальных ядерных ракет, способных разнести США в клочки. Фотографии с самолетов этого не подтверждали, однако американская разведка не решалась разоблачать блеф Хрущева до середины 1961 года, когда снимки со спутника-шпиона «Корона» и показания советского перебежчика Олега Пеньковского подтвердили, что межконтинентальных ракет у СССР — всего ничего. К этому времени военная промышленность США уже обеспечила значительное превосходство над СССР в области ракетно-ядерных вооружений²⁰.

30 октября 1961 года Советский Союз произвел испытание 50-мегатонной ядерной бомбы, по мощности десятикратно превышающей бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки²¹. Однако Кеннеди еще до этого решил объявить миру, что Хрущев блефует. 21 октября помощник секретаря по обороне США Росуэлл Гилпатрик заявил, что «Соединенные Штаты способны ответить на ядерный удар Советов не менее мощным ударом». В феврале 1962-го Макнамара сообщил сенатскому Комитету по международным отношениям, что «в случае масштабного ядерного конфликта США обладают серьезным преимуществом», а месяц спустя президент отверг устоявшееся мнение, что «США ни за что не нанесут ядерный удар первыми... Хрущеву следует знать: если будут затронуты наши жизненные интересы, мы можем проявить инициативу»²².

Советская сторона реагировала на эти заявления бурно и раздраженно. И в сердитом отрицании превосходства США, и в яростном клеймении президента Кеннеди за готовность развязать войну чувствовалась глубокая досада Хрущева — тем более глубокая, что он считал решающим даже небольшой стратегический перевес. А тут вдруг оказалось, что все его четырехлетние усилия тщетны — американцы выигрывают гонку вооружений, и ядерный баланс склоняется в их пользу.

Особенно болезненной стала для Хрущева его личная неудача. Ведь именно он настаивал на сокращении обычных вооружений в пользу ядерных (хотя межконтинентального ядерного оружия у Кремля, в сущности, еще не было). Те-

перь же на кону стояла не только Куба, но и военное превосходство СССР. Неудивительно, что в марте 1962-го в беседе с Анатолием Добрыниным он заявил, что американцы «совершенно обнаглели», и добавил: «Самое время укоротить им руки!»²³

В феврале 1962 года, отдыхая в Пицунде, Хрущев параллельно готовился к важному заседанию Совета обороны страны. На даче у него собрались члены Президиума, высшее военное командование и ведущие конструкторы ракет. Хрущев, в летнем костюме (зеленый пиджак и серые брюки), резко контрастировавшем со строгими костюмами остальных, председательствовал: угрюмо выслушал он признание генералов, что советские межконтинентальные ракеты не в силах противостоять американским. Р-16 (известную на Западе как СС-6) необходимо готовить к запуску несколько часов, а американский «Минитмен» — всего несколько минут. «Пока мы ее запустим, — заключил маршал Москаленко, — от нас уже мокрого места не останется». Хуже того: если Р-16 и не уничтожат американцы, велика вероятность, что она взорвется сама. Чтобы избежать этой опасности, необходимо в течение тридцати дней подсушивать ее жидкое топливо. У «Минитмена», работающего на твердом топливе, такой проблемы нет — он готов к запуску в любой момент. «Отец мрачно оглядел комнату, — вспоминал Сергей Хрущев. — Снова его замысел обернулся неудачей... Он обратился к присутствующим с предложением подумать, как нам максимально быстро догнать американцев»²⁴.

В отличие от межконтинентальных ракет, которых было явно недостаточно, ракетами малой и средней дальности Москва была обеспечена. Размещение их на Кубе по меньшей мере вдвое увеличило бы число советских ракет, способных поразить Вашингтон, Нью-Орлеан, Даллас, Атланту и другие крупные американские города²⁵. Трояновский прямо указывает, что эти ракеты были призваны «скорректировать в пользу Советского Союза соотношение сил в области ракетно-ядерного оружия, где большой перевес в это время был на стороне Соединенных Штатов». Как заметил в беседе с Хрущевым Юрий Андропов: «Тогда мы сможем держать под прицелом мягкое подбрюшье американцев»²⁶. «Если бы сложилось так, — признает в своих мемуарах и сам Хрущев, — то было бы неплохо: получилось бы в какой-то степени “равновесие страха”... Тут американцы сами бы испытали, что означает такое положение. Мы-то уже привыкли к этому. Мы за последние полвека провели на

своей земле три большие войны... а США войн на своей территории давно не имели. Они во многих войнах участвовали, но при этом обогащались, затрачивая минимальное количество крови своих людей, а наживали миллиарды и грабили весь мир...»²⁷

Трояновский, достаточно осведомленный в этом вопросе, утверждает, что никакого отношения к Берлину Карибский кризис не имел. Бывший помощник Хрущева уверяет, что с постройкой Берлинской стены германский вопрос, в сущности, был закрыт. Разумеется, продолжались «дипломатический обмен мнениями и публичные заявления с обеих сторон — агрессивные или сдержанные, в зависимости от обстоятельств». Однако это были уже «последние волны затихающего шторма... По крайней мере, так это выглядело с нашей стороны. Ясно, что Хрущев не мог “выключить” конфликт по своей воле: восточногерманские лидеры заглядывали ему через плечо и требовали дальнейших силовых действий. Но он уже в основном сражался с тенью»²⁸.

Некоторые факты, касающиеся обсуждения берлинского вопроса, подтверждают заявления Трояновского. Так, 17 октября 1961 года Хрущев отозвал свой последний ультиматум по Берлину, выдвинутый сразу после саммита в Вене. Драматическое противостояние в Берлине советских и американских танков несколько дней спустя выглядело весьма впечатляюще, но никакой реальной опасности не представляло²⁹. Переговоры по берлинскому вопросу, проводившиеся сперва между Громыко и послом Томпсоном, затем между Раском и новым послом в Вашингтоне Добрыниным, ни к чему не вели — однако советская сторона, казалось, была этим вовсе не обеспокоена. В январе 1962 года Томпсон был «поражен тем, что Громыко не проявляет ни малейшего нетерпения, как будто ему неважно, сколько еще продлится нынешнее положение дел». В феврале, по словам Раска, стало ясно, что Москва «почти готова заморозить этот вопрос». Несмотря на неуступчивость американцев, Громыко не проявлял желаний прервать переговоры или делать какие-либо публичные заявления. Напротив, как сообщил удивленный Раск 28 февраля Совету национальной безопасности, «русские, похоже, готовы снова и снова крутить одну и ту же долгоиграющую пластинку»³⁰.

Трояновский подтверждает свое мнение еще одним эпизодом, произошедшим во время Карибского кризиса. Когда заместитель министра иностранных дел Василий Кузнецов

предложил в ответ на американскую блокаду Кубы начать блокаду Берлина, Хрущев резко отверг это предложение: «Мы только начинаем выпутываться из одной авантюры, а вы предлагаете нам влезть в другую!»³¹ Однако это — еще не доказательство того, что германский вопрос не играл никакой роли в возникновении кризиса; напротив, многое свидетельствует об обратном.

С сентября 1961 года до самого кризиса Хрущев и Кеннеди вели секретную переписку. Кеннеди не желал уступать в берлинском вопросе, что, по-видимому, приводило Хрущева в ярость. В письме Хрущева от 9 ноября имеется пассаж, который припомнили советники Кеннеди, когда разразился кризис: «Поймите же, я не могу больше отступать, за моей спиной — обрыв»³². В своем ответе от 2 декабря Кеннеди никак на это не отреагировал: тогда Хрущев обвинил США в «мегаломании» и заявил: «Мы должны заключить мир с Германией, и мы его заключим и без вашего согласия»³³.

В середине мая 1962-го в Москву для обмена информацией с советскими чиновниками прибыл пресс-секретарь Белого дома Пьер Сэлинджер. К его удивлению, Хрущев пригласил его к себе на дачу, где американец гостил два дня. Гость и хозяин проводили время в обычных развлечениях: вкусно ели, много пили, катались на лодке, стреляли в мишень. Хрущев шутил, рассказывал разные истории, сравнивал себя со Сталиным (который «понимал только марксизм-ленинизм. Как обращаться с промышленностью и сельским хозяйством, он не знал. У него не было практической хватки. Хотел бы я, чтобы он посмотрел на этот [соседний с дачей] колхоз! Тогда бы он понял, что я прав») — и снова и снова возвращался к Берлину. Если они с Кеннеди не сумеют договориться, заявлял он, то окажутся «перед серьезным испытанием». Хрущев, по-видимому, не сомневался, что «драться за Западный Берлин Штаты не станут — нужен он им, как собаке пятая нога»³⁴.

26 июля советский лидер распрошался с послом Томпсоном, возвращавшимся в США. Его он тоже предупредил, что мирный договор с Германией «не может ждать до бесконечности», и при этом выглядел «серьезно озабоченным»³⁵. В сентябре Хрущев пригласил к себе в Пицунду секретаря по внутренним делам США Стюарта Юделла, совершавшего туристическую поездку по России. Ситуация в Германии, заявил он, «становится нестерпимой». Если Кеннеди не хватает «смелости», Хрущев «поможет ему решить проблему. Мы поставим его перед выбором — или война, или мирный договор... Вам нужен Берлин? Да черта с два он вам нужен!..

Это раньше вы нас секли, как мальчишек, а теперь мы сами можем надрать вам задницу»³⁶.

16 октября Хрущев сообщил преемнику Томпсона Фою Коулеру, что планирует посетить в ноябре Генеральную Ассамблею ООН и надеется, что сумеет при этом встретиться с президентом и прийти с ним к соглашению по вопросу о Западном Берлине³⁷. Лучшего времени и выбрать было нельзя: как раз в этот момент американцы узнали о ракетах на Кубе!

Позже Микоян говорил Кастро, что Москва использовала берлинский вопрос «как дымовую завесу», чтобы отвлечь внимание США от Кубы³⁸. Однако трудно поверить, что беспокойство и раздражение Хрущева по этому поводу были от начала до конца напускными. Если, как уверяет Трояновский, после постройки Берлинской стены кризис закончился — почему же Хрущев так давил на американцев в этом вопросе? В 1999 году, когда я задал ему этот вопрос, Трояновский ответил: «Он должен был на что-то давить. В конце концов, шла холодная война»³⁹.

Это, по-видимому, подтверждается тем, что говорил сам Хрущев своим восточным союзникам. В октябре 1961 года он заметил польскому лидеру Владиславу Гомулке, что от заключения мирного договора соцлагерь только «проиграет», поскольку Запад «может объявить экономический бойкот СССР и социалистическим странам». Учитывая эту опасность, «не следует обострять ситуацию»; «надо вести свою игру... и продолжать давление». В феврале 1962-го Хрущев спрашивал Ульбрихта: «Что нас заставляет спешить с мирным договором? Да ничего. До 13 августа [дата возведения стены] мы ломали голову, как продвинуться вперед. А теперь-то о чем беспокоиться? Границы закрыты»⁴⁰.

Тем не менее, когда Хрущев инструктировал Добрынина — нового посла СССР в США, — «ясно было, что он [Хрущев] рассматривает германский и берлинский вопросы как принципиальные для советско-американских отношений и хочет, чтобы они были решены в соответствии с принципами, которые он изложил Кеннеди в Вене». По словам Добрынина, Хрущев «надеялся изменить положение в Берлине в свою пользу»⁴¹.

Может быть, Хрущев лукавил для того, чтобы Добрынин правильно сыграл свою роль? Или Берлин и Куба все же были для него связаны каким-то необъяснимым образом, о чем и не подозревал Трояновский? Правда ли, что Хрущев постоянно менял свои решения? Может быть, никто не мог разгадать его мысли и предугадать действия, потому что он

действовал наугад, сам не зная, чего хочет добиться? Первый секретарь Московского горкома Николай Егорычев, не имевший никакого отношения ни к Берлину, ни к Кубе, возможно, подскажет нам принцип действий Хрущева: «Даже когда Хрущев совершал ошибку и даже когда понимал, что ошибся — может быть, тогда-то в особенности, — ему не хватало духу это признать. Так происходило отчасти потому, что он был руководителем партии и правительства, но отчасти и из-за его характера»⁴².

Что бы ни думал Хрущев о Берлине, он не мог не замечать, что советско-американские отношения в 1961—1962 годах зашли в тупик, а советско-китайские между тем продолжают ухудшаться. В своей речи на XXII съезде Чжоу Эньлай вежливо, но твердо провел прежнюю китайскую линию, а затем уехал, не дожидаясь реакции Хрущева. Выступая на Красной площади, Чжоу Эньлай отдал должное не только Ленину, но и Сталину. В ответ Хрущев заявил китайцам, что, хотя «голос китайской коммунистической партии был для нас тогда [в 1956 году] важен, теперь мы намерены идти своим путем»⁴³. В 1962-м было предпринято несколько попыток исправить положение, но напряженность продолжала расти. Так что тайное размещение ракет на Кубе было призвано не только утереть нос Кеннеди, но и убедить социалистических союзников Хрущева, что его политика — жесткость в сочетании с гибкостью — приносит интересам коммунизма больше выгоды, чем жесткий, ригористический догматизм Китая.

«Хрущев обладал богатым воображением, — писал в 1994 году Трояновский, — и, когда им овладевала какая-либо идея, он начинал видеть в ней не только легкое решение какой-то определенной проблемы, но и панацею» от многих проблем сразу. «В таких случаях он даже вполне разумные идеи доводил до абсурда»⁴⁴.

Если верить самому Хрущеву, решение послать на Кубу ракеты принималось им не единолично, но совместно с «товарищами». Только после двух или трех продолжительных дискуссий все согласилось, что стоит рискнуть. С самого начала, уверяет Хрущев, он «хотел заручиться согласием своих товарищей по Центральному Комитету КПСС и правительству». Он «не хотел форсировать это решение, чтобы оно выкристаллизовалось в сознании каждого и каждый бы, понимая его последствия, знал, что оно может привести нас к войне с США... Решение было принято единодушно»⁴⁵.

Однако эти слова далеки от реальности. В апреле 1962 года Хрущев навестил на Черном море министр обороны Малиновский. С собой он привез удручающий доклад о стратегическом балансе и сообщении, что американцы закончили размещение ядерных боеголовок «Юпитер» в Турции. По всей видимости, Малиновский хотел попросить дополнительных ассигнований на оборону; результат его жалоб оказался неожиданным для него самого. «Родион Яковлевич, — хитро усмехнувшись, спросил вдруг Хрущев, — а что, если запустить в штаны дяди Сэма нашего ежа?»⁴⁶

Еще прежде Хрущев делился своей идеей с Микояном, которого после его поездки на Кубу считал экспертом по этой стране. Этот разговор произошел во время прогулки старых товарищей по территории хрущевской резиденции на Ленинских горах. Хрущев предложил «очень быстро» разместить ракеты в сентябре-октябре, а затем, после ноябрьских выборов в конгресс США, сообщить об этом Кеннеди — лучше всего лично, когда он будет в Нью-Йорке на сессии Ассамблеи ООН. Хрущев полагал, что США отнесется к этой новости спокойно — «ведь у них в Турции есть ракеты, нацеленные на Советский Союз». Микоян усомнился, что ракеты можно перевезти через полмира и разместить втайне, и выразил опасение, что это может спровоцировать кризис. И потом, заметил он, такие вещи не делаются без согласия Фиделя Кастро — а он, вполне возможно, будет возражать. Микоян несколько раз повторил, что план Хрущева очень опасен. «Это я и сам сразу высказал», — замечает по этому поводу Хрущев⁴⁷.

Если бы Хрущев серьезно отнесся к советам Микояна, возможно, кризиса бы не случилось. По крайней мере он был бы готов к тому, что произошло. Следовало бы ему проконсультироваться и с Добрыниным и Трояновским, которые много знали о Соединенных Штатах, — однако он не сделал и этого. Вместо того чтобы тщательно взвесить и обсудить все контраргументы, Хрущев поведал о своем плане небольшой группе советников: членам Президиума Микояну и Козлову, Малиновскому, Громыко, а также командующему ракетными войсками маршалу Бирюзову. Изложив свою мысль, Хрущев задал Малиновскому гипотетический вопрос: «Предположим, в ста сорока километрах от наших берегов лежит остров, который нам нужно захватить и подчинить себе, несмотря ни на какое сопротивление. Мы можем использовать любое оружие, кроме ядерного. Сколько времени нам на это потребуется?» Четыре-пять дней, самое большее — неделя, ответил Малиновский. «Вот видите! —

воскликнул Хрущев. — Что же нам делать [чтобы помочь Кубе]? В любом случае, мы просто не успеем отправить помощь на другой конец света. А после драки кулаками не машут». И вопрос был закрыт.

Если у Малиновского и имелись какие-то сомнения, он их не высказывал. Что касается Бирюзова — с какой стати он стал бы возражать, если Хрущев предлагал ему нацелить ракеты средней дальности на США? Микоян повторил свои возражения, но Хрущев их отмел: «Пусть сперва маршал Бирюзов и другие специалисты рассмотрят возможность разместить ракеты на Кубе так, чтобы об этом не пронюхали американцы, а потом пусть они передадут лично Фиделю послание с вопросом, согласен ли он». Микоян был уверен, что по обоим вопросам ответ Бирюзова будет отрицательным⁴⁸.

В октябре 1959 года на Кубу прибыл советский журналист Александр Алексеев — высокий человек в очках. На самом деле Алексеев был разведчиком. Зная испанский язык и хорошо понимая психологию латиноамериканцев, он скоро сошелся с Фиделем и Эрнесто (Че) Геварой куда ближе, чем советский посол Сергей Кудрявцев — чопорный дипломат, не выходивший на улицу без целой армии телохранителей. В начале мая Алексеева вызвали домой, в Москву. 7 мая, перед встречей с Хрущевым, ему объявили, что хотя бы назначить его послом на Кубе: неудивительно, что после такого посула Алексеев готов был выполнить любое распоряжение начальства. На первой встрече Хрущев о ракетах не заговаривал. Вместо этого он засыпал Алексеева общими вопросами о Кубе и ее правительстве; несколько раз во время разговора он снимал телефонную трубку и приказывал обеспечить Кубу той или иной помощью. Алексеев был приятно удивлен большими познаниями Хрущева о Кубе и его теплыми чувствами к Кастро: по его словам, «не успевал я рот открыть, а он уже угадывал, что я хочу сказать»⁴⁹.

Несколько дней спустя советники Хрущева собрались в том же составе, но на этот раз — еще и с Шарафом Рашидовым, кандидатом в члены Президиума и первым секретарем ЦК компартии Узбекистана, который уже не раз ездил по странам третьего мира, демонстрируя собственным примером, как преобразилась Средняя Азия при социализме. Алексеев и Микоян изложили свои взгляды на кубинскую ситуацию: Хрущев не раз прерывал их, подчеркивая, какой опасности подвергается Кастро. И вдруг задал Алексееву вопрос, от которого тот «остолбенел»: что скажет Кастро, если СССР предложит разместить на Кубе ядерные ракеты?

Алексеев, не подумав, выпалил, что Кастро не согласится — не захочет отталкивать от себя другие латиноамериканские страны. Малиновский возразил: если республиканская Испания в 1930-х не стеснялась принимать помощь от СССР, «с какой стати революционная Куба будет упускать такой случай»?

Не позволяя разгореться спору, Хрущев начал пространную речь в защиту своей идеи. Американцы планируют полномасштабную военную интервенцию на Кубу. Сдержать их можно только ядерными ракетами. Операцию нужно проводить в секрете, поскольку в США идет избирательная кампания. Как только ракеты будут размещены и готовы к бою, СССР сможет разговаривать со Штатами на равных. Прагматичные американцы едва ли станут особенно возмущаться — не возмущался же СССР, когда они разместили свои ракеты в Турции и Италии! И затем, так и не дав Президиуму обсудить свое предложение, Хрущев объявил, что Алексеев, Бирюзов и Рашидов полетят на Кубу, чтобы «объяснить Фиделю Кастро нашу позицию»⁵⁰.

Сам Хрущев вместе с Громыко тем временем отправился в недельную поездку по Болгарии. Но и там, вспоминая он позднее, мысли о Кубе «неотвязно сверлили мозг»⁵¹. И произнесенные в Болгарии речи — полные упоминаний об американских ракетах в Турции, о несговорчивости Запада и о том, что пора заставить Вашингтон разговаривать с Москвой на равных, — вполне это подтверждают; а по раздражительности Хрущева во время этой поездки легко судить, как он мучился, не имея возможности поделиться обуревающими его мыслями с лидером болгарской компартии Тодором Живковым⁵².

20 мая, по дороге в Москву, Хрущев обсудил свой план с министром иностранных дел. Он настаивал, что размещение ракет необходимо, и хотел только услышать мнение Громыко. Тот прекрасно понимал, что, если станет возражать, Хрущев может «вспылить» — знаменательное признание, само по себе показывающее, как мало склонен был Хрущев слушать от подчиненных неприятные истины. Однако Громыко, если верить его воспоминаниям, все же воспротивился: «...Завоз на Кубу наших ядерных ракет вызовет в Соединенных Штатах политический взрыв. В этом я абсолютно уверен... Против ожидания, Хрущев не вспылит. «Вместе с тем я ощутил определенно, что свою позицию он не собирается изменять»⁵³.

На следующий день состоялось заседание Совета обороны СССР. Председателем этого высшего военно-граждан-

ского органа страны был сам Хрущев, членами — секретари КПСС Козлов и Брежнев, члены Президиума Микоян и Косыгин (занимавший также должность первого заместителя председателя Совета министров), а также Малиновский, его первый заместитель маршал Андрей Гречко и генерал Алексей Епишев, начальник Главного политического управления Советской Армии. Присутствовал также генерал-полковник Семен Иванов из Генерального штаба — он выполнял обязанности секретаря. Предполагалось, что встреча будет посвящена докладам военных о том, что происходило в армии, пока Хрущев был в Болгарии. Однако Иванов вернулся в Министерство обороны «в таком волнении», в каком его помощник, генерал Анатолий Грибков, никогда его не видел. «Еще в дверях он протянул мне несколько листов бумаги и закричал: “Анатолий Иванович, вот это немедленно переписать начисто! От руки! Никаких машинисток!”»

Из сверхсекретных записей Иванова, по рассказу Грибкова, следовало, что «наша верховная власть решила разместить на Кубе ракеты малой и средней дальности...». Решение было еще не окончательным — требовалось одобрение Совета обороны и Президиума ЦК. К их объединенному заседанию 24 мая от Грибкова требовалось вчерне подготовить детальный план «создания, транспортировки и поддержки военного отряда, аналогичного по составу и функциям (если не по размерам) [советским военным силам], размещенным в Восточной и Центральной Европе».

Следующие три дня и три ночи Грибков не выходил из кабинета; спал он на раскладушке. 24 мая Малиновский предъявил составленный им план, который Хрущев одобрил. Коллеги Хрущева «то ли разделяли его энтузиазм, — вспоминал Грибков, — то ли просто боялись подать голос». Хотя окончательное решение зависело от реакции кубинского руководства, Совет обороны единогласно проголосовал за «размещение на острове Куба группы советских вооруженных сил, состоящих из войск всех типов...»⁵⁴.

Первые признаки неуверенности проявились уже тогда, когда генерал Иванов начал собирать подписи членов Президиума. По традиции, напротив подписи каждый должен был поставить слово «за». Однако в данном случае Микоян (а, возможно, и не только он) ограничился только подписью, а кандидаты в члены Президиума не подписали документ вообще. Строго говоря, этого и не требовалось, поскольку они не имели формального права голоса; однако Хрущев приказал Иванову «объехать их дачи. Они подпишут». После звонка Хрущева Микоян добавил слово «за»⁵⁵.

27 мая, в воскресенье, члены Президиума собрались на даче Хрущева, чтобы дать указания делегации, отъезжающей на Кубу. Был теплый, солнечный весенний день; гости Хрущева пили чай и угощались пирожными. Теоретически Рашидов и Бирюзов должны были узнать мнение Кастро относительно предложения Хрущева — однако реально «предложение» являлось, скорее, приказом. «Единственный способ спасти Кубу — разместить там ракеты», — объявил Хрущев. Кеннеди «умный человек и не станет развязывать ядерную войну». Правда, у СССР уже имеются ракеты большой дальности, нацеленные на Соединенные Штаты — однако «оружия, размещенного в непосредственной близости от США, они сильнее испугаются». «Постарайтесь объяснить это Фиделю», — добавил Хрущев⁵⁶.

Члены делегации вылетели втайне, без документов и под фальшивыми именами (так, маршал Бирюзов именовался «инженером Петровым»): их строго предупредили о недопустимости связи с Москвой — даже через шифрованные радиопередачи⁵⁷. Кастро сразу понял: затевается что-то серьезное. «В первый и единственный раз за восемь лет, — вспоминал Алексеев, — я увидел, что кубинцы пришли на встречу с блокнотами и что-то записывают». Кастро был благодарен за предложение, однако опасался испортить свой имидж революционера в глазах соседей-латиноамериканцев и еще более усугубить напряженность в отношениях с США. Кроме того, он полагал, что ракеты не нужны — ведь у СССР уже есть сотни ракет, нацеленных на Соединенные Штаты. Однако, заключил он, если Советский Союз, гораздо более опытный в международных отношениях, полагает, что «эта мера необходима для защиты всего социалистического лагеря», — у Кубы «нет права решать вопрос, исходя только из собственных, узко понимаемых интересов».

Годы спустя Кастро, как и его бывшие враги из администрации Кеннеди, продолжал гадать о мотивах Хрущева. «Разумеется, правда, что Никита очень любил Кубу. Можно сказать, просто обожал. У него была, так сказать, слабость к Кубе — чисто эмоциональная слабость». Однако «он был вполне способен говорить одно, а думать другое». Даже во время своего визита в СССР в 1963 году, пообщавшись с Хрущевым и его коллегами несколько недель подряд, Кастро «не мог сказать, что понял истинные причины этого решения». При встречах наедине он спрашивал членов Президиума: «“Как было принято это решение? Какие приводились аргументы?” И не мог ни единого слова добиться в ответ. Они просто переводили разговор на другое.

А я, сами понимаете, не мог настаивать: “А ну-ка, не увильвайте, отвечайте на вопрос!”»⁵⁸

Пока Кастро гадал о мотивах Хрущева, Бирюзов объехал остров, присматривая места, где бы можно было спрятать ракеты от любопытных взоров ЦРУ. Решение, разумеется, скоро было найдено: почему бы не замаскировать ракеты среди пальм, прикрыв боеголовки пальмовыми листьями? Бирюзов «был не слишком умен, — вспоминал Микоян. — Я сам видел эти пальмы: спрятать под ними ракетную установку было невозможно»⁵⁹.

10 июня делегация, вернувшись в Москву, сделала доклад членам Президиума. Оба сообщения — Рашидова о реакции Кастро и Бирюзова о возможностях маскировки ракет — внушали безоблачный оптимизм. В план Грибкова от 24 мая были внесены соответствующие изменения. Малиновский зачитал записку Министерства обороны с кратким изложением плана, и Президиум единогласно подтвердил решение, принятое тремя неделями ранее.

Вот так было принято это решение: Хрущев настаивал на своем, а его коллеги послушно подчинялись. Возражать осмелился один Трояновский — и то потому, что Хрущев «практически никогда не повышал голос на своих непосредственных подчиненных», «предпочитая срывать зло на ком-нибудь другом»⁶⁰. Трояновский узнал об этом плане в конце мая от своего коллеги Владимира Лебедева. Тот начал разговор так: «Олег Александрович, вам лучше сесть, потому что то, что вы сейчас услышите, ошеломит вас. Обсуждается вопрос о размещении наших баллистических ракет на Кубе». Трояновский «был потрясен»: он всегда стоял за улучшение отношений с США, и эта «кошмарная» новость поразила его в самое сердце. Дождавшись подходящего момента, он заговорил об этом с Хрущевым и изложил ему свои возражения. Надо отдать должное Хрущеву — он выслушал помощника терпеливо и внимательно, но затем заявил, что не делает с американцами ничего такого, чего бы они не делали с СССР. Разве они не разместили свои ракетные базы у самых советских границ? «Он не понимал нынешних настроений в США и не желал слышать о возможной реакции Штатов, — замечает Трояновский. — Для меня до сих пор остается загадкой, как, принимая во внимание масштаб предприятия, можно было надеяться сохранить его в тайне — а ведь именно от этого зависел успех всего дела»⁶¹.

Примерно в то же время узнал о плане Сергей Хрущев: ему рассказал об этом сам отец тихим весенним вечером, во время прогулки по берегу Москвы-реки. Сергею идея виде-

лась очень сомнительной, о чем он сейчас же и сказал отцу; ему показалось даже, что Хрущев-старший поведал ему о своих планах специально, желая услышать возражения, на которые не осмелились Микоян и прочие. Однако мог ли сын заменить Хрущеву кабинет министров, Совет обороны, Президиум, советников, обладающих полной информацией, имеющих широкие возможности и не опасющихся говорить главе партии и правительства правду в лицо?⁶²

За плохо продуманным решением последовало столь же непродуманное исполнение. Хрущев хотел отправить на Кубу небольшой экспедиционный корпус, достаточный (по его понятиям), чтобы удержать американцев от нападения на ракетную базу, однако такой, чтобы он мог прибыть и разместиться на Кубе незамеченным. Вместо этого туда были отправлены крупные военные силы, вполне способные привлечь внимание американцев. Основу их составляли ракеты: тридцать шесть ракет средней дальности (1200 морских миль) и двадцать четыре — большей дальности (2200 морских миль). Ядерные боеголовки ракет первого типа весили от двух до семи тысяч килотонн (в 10—35 раз больше американской бомбы, поразившей Хиросиму); вес боеголовок ракет второго типа колебался от двух до восьми тысяч килотонн. Каждое из пяти ракетных подразделений имело собственную мобильную базу техподдержки, в том числе грузовики для транспортировки боеголовок из подземных хранилищ к ракетам.

К ядерным ракетам были прикомандированы войска всех родов, предназначенные для их охраны и защиты: три подразделения ракет типа «земля-воздух», два полка с крылатыми ракетами (по 80 ракет в каждом), 33 боевых вертолета, эскадрон из восьми бомбардировщиков Ил-28, укомплектованных обычным оружием, и еще шесть самолетов с ядерными бомбами на борту; одиннадцать транспортных самолетов, четыре подразделения моторизованной пехоты, по две с половиной тысячи человек в каждом, тридцать четыре танка, а также несколько подводных лодок, крейсеров, авианосцев и патрульных судов, также оснащенных ракетами.

4 июня план был одобрен Малиновским, а три дня спустя Хрущев лично распорядился о перемещении на Кубу 50 тысяч 874 человек — включая персонал госпиталей, полевых кухонь, авторемонтных мастерских и других вспомогательных служб, а также трехмесячного запаса провизии и топлива. В сентябре число командированных на Кубу было

снижено до 45 тысяч 234 человек; когда разгорелся кризис, 3322 из них находились еще в море и вынуждены были повернуть обратно. Таким образом, на Кубе высадились 41 тысяча 902 советских военных: как видим, американская разведка сильно заблуждалась, в докладе от 26 октября оценивая их число в 10 тысяч человек.

Наибольшую опасность для Вашингтона представляли ракеты средней дальности, способные достичь территории США. Однако использование их представлялось маловероятным: ясно было, что запуск хотя бы одной такой ракеты развяжет глобальную ядерную войну. Реальная опасность исходила от тактических ракет, которые Хрущев распорядился в случае появления американских военных сил использовать без согласования с Москвой. 22 октября этот устный приказ был отозван — но мог ли кто-либо быть уверен, что в суматохе нападения американцев на Кубу советские военные об этом вспомнят? Контроля над этими ракетами у самого Хрущева не было. В случае нападения США, писал много лет спустя маршал Грибков, «кто мог гарантировать, что американцы найдут и обезвредят советские ракеты прежде, чем те удастся пустить в ход? Что наша сторона не запустит хотя бы одну ракету типа “Луна”, мощность которой составляет одну десятую бомбы, сброшенной на Хиросиму? Если бы такая ракета поразила корабль или отряд пехоты США, если бы тысячи американцев погибли от ядерного взрыва — был бы это последний залп кубинского кризиса или первый залп глобальной ядерной войны?»⁶³

Опаснейшее задание требовало надежнейшего командира. Однако Хрущев и Малиновский отвергли первое предложение Генерального штаба — генерал-лейтенанта стратегических ракетных войск Павла Данкевича — в пользу давнего товарища, генерала Исы Плиева, не так давно расстрелявшего демонстрацию в Новочеркасске. Престарелый Плиев воевал еще в Гражданскую, в годы Великой Отечественной командовал одной из дивизий, защищавших Москву, сражался под Сталинградом, а затем — в Венгрии и против японской императорской армии в Маньчжурии. Коллеги по Северо-Кавказскому военному округу считали его «спокойным, твердым, разумным, не склонным к риску человеком». Хрущев любил его и ему доверял: кроме того, Плиев был для него живым напоминанием о Великой Отечественной. В то время Хрущев лишь выполнял приказы Сталина — теперь же сам предложил смелую операцию, сам наблюдал за разработкой плана, сам отдал приказ о перемещении войск, совсем как Сталин в годы войны. Можно также пред-

положить, что старик Плиев напоминал Хрущеву Кутузова, как он изображен в «Войне и мире». Однако старый генерал с самого начала проявил решительность и упрямство (он отказался принять заготовленный для него псевдоним «Иван Александрович Павлов»), быстро перессорился со своими помощниками, а во время самого кризиса «темпераментный спор Плиева с Кастро углубил и заострил взаимное непонимание, существовавшее между Кастро и Хрущевым»⁶⁴.

План доставки войск на Кубу был столь же сомнителен, как и выбор командующего. Операция, получившая кодовое название «Анадырь», была замаскирована под переброску войск и вооружения в Заполярье. Поэтому вместо шорт и рубашек с короткими рукавами многих солдат снабдили лыжами, валенками и меховыми унтами. Конечно, недостаток летней одежды не мог сорвать операцию — однако и лишний груз не облегчал задачу.

В середине июля в кубинском порту Кабанья встал на якорь корабль «Мария Ульянова» — первый из восьмидесяти пяти пассажирских и грузовых судов, которым предстояло сделать в ближайшие три месяца около ста пятидесяти рейдов туда и обратно. Людей и вооружение тайно доставили в шесть советских портов, от Севастополя до Североморска: перевозили их ночами, под охраной, о месте назначения не сообщали, запрещали отправлять письма и телеграммы родным. В портах солдат селили в охраняемых бараках, отбирали партийные и комсомольские билеты, спарывали с формы все воинские знаки различия. Командам кораблей было строго запрещено сходить на берег и связываться с родными.

Поднявшись на борт, ракетчики превращались в плотников (сколачивали на нижних палубах деревянные настилы и прикрывали ими ракеты, маскируя их под детали судна) и грузчиков (загружали разобранные танки, самолеты и наиболее крупные ракеты в огромные трюмы). Все легко опознаваемое оружие было спрятано в трюмах и прикрыто листами железа, защищавшими от инфракрасной съемки, а на палубах размещены автомобили, грузовики, тракторы и прочее не вызывающее подозрений сельскохозяйственное оборудование.

Ракетчики должны были изображать «специалистов по сельскому хозяйству» — поэтому им выдали гражданскую одежду, в том числе одинаковые рубашки, в которых они отличались от кубинцев так же явственно, как если бы носили советскую военную форму. Однако даже в гражданском

им разрешалось появляться на палубе (группами не более пяти-шести человек) только ночью. Едва корабли достигали Багамских островов, где действовало американское наблюдение с моря и воздуха, солдаты вынуждены были целыми днями прятаться в трюмах, где температура поднималась до тридцати пяти градусов. Впрочем, теперь они по крайней мере знали, куда плывут: сведения о пункте назначения вручались капитанам в порту, в двух запечатанных конвертах, и вскрывались по выходе в Атлантический океан в присутствии старшего по званию офицера и представителя КГБ.

Плавание по тропическим широтам, при других обстоятельствах желанное и завидное для привыкших к холодному климату русских, обернулось кошмаром: восемнадцать — двадцать дней ракетчики прятались в душных трюмах, питались исключительно по ночам, а на некоторых судах — ходили в туалет по расписанию. Да и по прибытии Куба оказалась для них отнюдь не курортом. «Мария Ульянова» бросила якорь 26 июня; в следующие четыре дня прибыли еще девять советских кораблей. Солдаты вместе со своим секретным грузом сходили на берег по ночам, прятались в кузовах грузовиков и ухабистыми проселочными дорогами добирались из одиннадцати портов назначения на военные базы, расположенные в глубине страны. Все команды отдавались по-испански; переговоры по радио были запрещены. Связь между полевыми частями и советским командованием в Гаване осуществлялась устно, через связных, безостановочно носившихся туда и обратно.

Добравшись наконец до пунктов назначения, русские обнаружили, что кубинские базы плохо подготовлены к приему как их самих, так и вооружения. Влажная жара, тучи москитов и (в Восточной Кубе) ядовитые деревья гуарако делали жизнь почти невыносимой. Копать обычные рвы и котлованы оказалось невозможно: прямо под верхним слоем почвы пролегалли подземные воды. Работая по десять — двенадцать часов в сутки то на жаре, то под проливным дождем (на Кубе шел сезон дождей), солдаты возвели земляные насыпи и окружили их колючей проволокой.

Из пальмовых листьев, как и предполагал Микоян, камуфляжа не вышло. Будь пальм даже в десять раз больше, они не смогли бы скрыть «огромное число зданий, ряды танков и грузовиков и сотни метров кабеля, окружавшие бетонные ангары, где хранились ракетные установки. После размещения оборудования [продолжает генерал Грибков] его еще можно было бы скрыть от зрителя, смотрящего с земли или с моря; но с воздуха все было заметно с первого взгляда».

Ракеты средней дальности прибыли в середине сентября, а их ядерные боеголовки, путешествовавшие под особой охраной КГБ, — 4 октября. Когда разразился кризис, корабль, нагруженный тактическими ракетами, был еще в море: он немедленно повернул обратно. Боеголовки же для этих ракет уже прибыли и всю кризисную неделю пролежали на складе в кубинском порту. К 14 октября, когда на Кубу с инспекционным визитом вылетел генерал Грибков, на остров прибыли также восемьдесят боеголовок для крылатых ракет, шесть атомных бомб для бомбардировщиков Ил-28 и двенадцать боеголовок типа «Луна». Эти боеголовки хранились в охраняемых бункерах поблизости (впрочем, на самом деле недостаточно близко) от ракет и самолетов, с помощью которых их следовало использовать, если бы началась война.

Работы несколько затянулись: генерал Плиев (он в то время страдал от болезни почек — возможно, его неприветливость и неуживчивость были связаны с дурным самочувствием) доложил инспекторам Генерального штаба, что размещение ракет отстает от графика. Однако это оказалась еще не самая дурная новость: в день появления Грибкова и его подчиненных над ракетными базами был замечен американский самолет-разведчик У-2⁶⁵.

У-2 фотографировали Кубу с начала 1962 года, и СССР было это известно. Однако Хрущев не желал об этом задумываться — притом что видел снимки, сделанные 1 мая 1960 года Фрэнсисом Гэри Пауэрсом и прекрасно представлял себе возможности самолетов-разведчиков. Когда перед самым одобрением посылки ракет на Кубу советский военный представитель в Гаване генерал-майор Алексей Дементьев попытался поднять вопрос о разведке с воздуха, министр обороны Малиновский пнул его ногой под столом, чтобы заставить замолчать⁶⁶.

Удивительно не то, что советские ракеты обнаружили буквально через несколько дней после размещения, а скорее то, что Хрущеву удалось так долго удерживать в тайне свой план. Много позже адмирал Николай Амелько утверждал, что сохранение ракет на Кубе в секрете было попросту невозможно: «Ракеты были видны, когда их сплавляли по водным путям в Одессу, чтобы погрузить на суда. В Одессе все только и говорили о том, что мы отправляем ракеты куда-то за море. Ракеты были видны, когда их сгружали с кораблей и везли на базы по кубинским дорогам». Короче говоря, «план был обречен с самого начала»⁶⁷.

«Ни один специалист» из тех, с кем разговаривал позднее ветеран-дипломат Георгий Корниенко, «не считал возможным сохранить это в тайне»⁶⁸. «Очень важно было, — добавляет генерал Грибков, — чтобы наличие ракет сохранялось в секрете по крайней мере в течение месяца после их прибытия на Кубу»⁶⁹. «Не могу понять, — удивляется и Трояновский, — как... можно было серьезно надеяться сохранить все это в тайне — при том, что в секретности заключался весь смысл мероприятия»⁷⁰. «Честно говоря, — замечает Добрынин, — у меня нет впечатления, что все было продумано, как в шахматах, от первого до последнего шага. Безусловно, существовала общая концепция, были разработаны основные этапы, но в деталях все отдано на волю импровизации»⁷¹. Согласно свидетельству члена кубинского Политбюро Хорхе Рискета, «мы видели, что товарищ Хрущев не продумал все возможные шаги, которые может предпринять противник, и те возможные шаги, на которые придется пойти в этом случае нам самим...»⁷².

Непродуманные действия были для Хрущева типичны, особенно в последние годы его правления. Четкого плана действий у него действительно не было, однако имелись кое-какие предположения: если американцы обнаружат советские ракеты до того, как те будут готовы к бою, Хрущев начнет переговоры и как-нибудь выкрутится. «Из-за своей уверенности, что Кеннеди не осмелится начать войну, — замечает Аджубей, — он считал все предприятие относительно безопасным»⁷³. Хрущев словно забыл собственное мнение, сложившееся у него об американском президенте: что Кеннеди слаб, не хозяин в собственном правительстве, что он живет в страхе перед реакционерами, для которых размещение на Кубе советских ракет вполне может стать предлогом для полномасштабной интервенции.

Не только Микоян и Трояновский предупреждали Хрущева об опасности. Обеспокоены были и кубинцы. В начале июля две недели в Москве провел Рауль Кастро: он приехал для заключения договора на пять лет, регулирующего положение советских войск на Кубе. Договор, привезенный в Гавану в августе новым советским послом Алексеевым, был пересмотрен и в конце августа возвращен Че Геварой в Москву. В эти два месяца кубинцы настаивали на том, чтобы опубликовать договор (за вычетом статей о количестве и типах вооружения). Когда Рауль отправился в Москву, вспоминает Фидель, «я попросил его задать Хрущеву один-единственный вопрос: что будет, если об операции узнают до ее завершения? Вот все, что я хотел узнать». Перед отъездом

Че Гевары Фидель сказал ему: «Если наш договор легален, более того, если он правилен — зачем мы делаем то, что может вызвать скандал? Зачем скрываемся, прячемся, будто совершаем что-то дурное, для того, чтобы сделать хорошее дело?»⁷⁴

Возможно, конечно, что открытое размещение ракет также вызвало бы кризис. Однако, по мнению ветеранов администрации Кеннеди, было «очень маловероятно, чтобы правительство США решилось — и смогло — заставить СССР отменить свое решение и предотвратить размещение ракет»⁷⁵. Хрущев с легкостью необыкновенной отменил кубинские сомнения. «Вам не о чем беспокоиться, — заявил он Че Геваре. — Большого шума со стороны США не будет. А если все-таки будет — вышлем Балтийский флот».

«Он говорил совершенно серьезно, — вспоминает помощник Че Гевары Эмилио Арагонес. — Когда он это сказал, мы с Че переглянулись, подняв брови. Однако спорить не приходилось: ведь советские товарищи имели куда больше опыта в общении с американцами, да и информации к ним поступало больше, чем к нам»⁷⁶.

Даже горячие кубинцы кое-что понимали в геополитике: на Балтийский флот они не полагались, куда больше доверяя воле и решимости Москвы, подкрепленным глобальными ядерными силами. Польский лидер Гомулка, с которым Хрущев поделился своими планами, так же не выразил особой уверенности в успехе, и тогда Хрущев рассказал ему такую историю: в прежние времена бедные крестьяне (как семья самого Хрущева в Калиновке) зимой забирали всю домашнюю живность из хлева к себе в отапливаемую избу. Пахло от скотины ужасно, но крестьянская семья скоро привыкала к вони и уже ее не замечала. Вот так и Кеннеди «придется привыкнуть к запаху наших ракет»⁷⁷.

Хотя Карибский кризис лежит в основном на совести Хрущева, Кеннеди мог бы его избежать. 4 сентября президент сделал предупреждение: если появятся данные, свидетельствующие «о появлении на Кубе организованных боевых сил из стран советского блока... или о размещении ракет класса “земля-земля”, или о наличии другого значительного наступательного оружия под кубинским или советским военным командованием... последствия будут самыми серьезными»⁷⁸. Скажи он это на несколько месяцев раньше, в апреле — возможно, Хрущев бы отступил.

В середине августа самолеты ЦРУ сделали с воздуха фотографии советских судов, необычно высоко сидящих в воде: создавалось впечатление, что в просторных трюмах этих кораблей перевозятся громоздкие, но довольно легкие грузы. Беглец, приплывший с Кубы в Майами, описал конвой грузовиков перед рассветом 5 августа: «К каждому третьему грузовику была прицеплена плоская платформа, которую тянул механизм на колесах вроде трактора. Над каждым «трактором» возвышался огромный цилиндр, высокий, как пальма, и покрытый промасленным брезентом». По всей видимости, это были SA-2; Госдепартамент США и высшие военные чины предположили, что они призваны защищать Кубу от вторжения. Только шеф ЦРУ Маккоун, в котором пламенная ненависть к коммунизму сочеталась с трезвым и приземленным умом бизнесмена, предположил, что SA-2 должны защитить нечто куда более ценное — ракеты «земля-земля», способные достичь территории США⁷⁹. Именно страхи Маккоуна, вместе с язвительной критикой сенатора Кеннета Китинга, вызвали предупреждение президента от 4 сентября. Однако, как писал Джордж Макбанди: «Мы сделали это [предупреждение] из внутриполитических соображений, никак не предполагая, что СССР в самом деле решится на такой безумный шаг, как размещение на Кубе советского ядерного оружия»⁸⁰.

Хрущева, однако, заявление Кеннеди сильно встревожило. Еще в июле он начал опасаться, что его замысел раскроется⁸¹. После предупреждения Кеннеди перспектива разоблачения, казалось, стала еще вероятнее. Теоретически Хрущев мог бы отменить операцию: к 5 сентября ни одна ракета «земля-земля» и ни одна ядерная боеголовка еще не прибыли на Кубу. Но вместо этого он предпринял несколько шагов, сделавших кризис еще более опасным: во-первых, приказал ускорить ход операции; во-вторых, увеличил число перемещаемых на Кубу единиц тактического ядерного оружия; и в-третьих, забросал американцев лживыми уверениями, что ничего подобного не делал, не делает и делать не собирается⁸².

Ракеты средней дальности прибыли на две недели раньше установленного срока. Дополнительное оружие, о поставке которого Хрущев отдал приказ 7 сентября, включало в себя шесть атомных бомб для бомбардировщиков Ил-28, а также двенадцать ракет класса «Луна» с ядерными боеголовками. Правда, Хрущев отверг предложение об увеличении числа ядерных ракет средней дальности, а две не-

дели спустя отменил дополнительную отправку на Кубу военных кораблей и подводных лодок. Однако, если уж он предчувствовал неизбежность кризиса, следовало понимать, что любое увеличение числа ядерных вооружений, отправляемых на Кубу, в таких обстоятельствах бесцельно и безрассудно.

Такой же непродуманностью отличались и заверения Хрущева. 4 сентября Добрынин сообщил «очень взволнованному» Роберту Кеннеди, что «никаких ракет “земля-земля” или иного оружия нападения» на Кубе размещено не будет, поскольку «Хрущев не станет предпринимать ничего, что могло бы в предвыборный период испортить отношения между двумя нашими странами». Председатель Совета министров «глубоко уважает и ценит президента Кеннеди и не хочет ему вредить», продолжал Добрынин. Когда Роберт Кеннеди заметил, что «председатель выбрал весьма странный способ выразить свое восхищение», добавив, что «размещение советских ракет на Кубе привело бы к тяжелейшим последствиям», Добрынин заверил, что «этого никогда не случится». О планах Хрущева посол ничего не знал и потому говорил убежденно и искренне. «Я даже вообразить себе не мог, чтобы мы решились разместить ракеты на Кубе», — рассказывал он позднее⁸³. Два дня спустя Добрынин зачитал Теодору Соренсену личное послание Хрущева к Кеннеди: «До выборов в Американский Конгресс не будет предпринято ничего такого, что могло бы осложнить международное положение или усилить напряженность в отношениях между нашими странами»⁸⁴. 11 сентября, когда Кеннеди уже запросил сенат о возможности призвать в армию США 150 тысяч резервистов, советское правительство торжественно заверяло: «Советский Союз не видит никакой необходимости в переброске в другие страны — например на Кубу — оружия, предназначенного для нападения». Войска, недавно отправленные на Кубу, предназначены «исключительно для целей обороны»⁸⁵.

Возможно, Хрущев полагал, что Кеннеди этому поверит. Но более вероятно, что он давал ему благопристойный повод «отвернуться» и заняться другими делами, дабы не накалять обстановку как перед выборами, так и перед возможным после выборов саммитом. В конце августа тайный эмиссар СССР Большаков встретился с президентом, который выглядел «усталым и несколько обеспокоенным». Хрущев жаловался, что американские самолеты кружат над советскими теплоходами, направляющимися на Кубу. «Скажите ему, — ответил Большакову Кеннеди, — что я приказал

прекратить эти полеты». Эта уступка давала основание предположить, что Кеннеди пытается избежать конфликта. Тем же духом были проникнуты и другие замечания президента: «американо-советские отношения находятся сейчас в хорошем состоянии»; Кеннеди надеется «в ближайшем будущем» снова встретиться с Хрущевым. Роберт Кеннеди, с которым также встречался Большаков, умолял Хрущева не усложнять положение брата: «Черт возьми, Георгий, неужели Хрущев не понимает, в каком положении президент? Неужели не знает, что у президента есть и друзья, и враги? Поверьте, об американо-советских отношениях мой брат говорил то, что думает. Но каждый шаг навстречу Хрущеву требует от него огромных усилий. Пусть председатель Хрущев поставит себя на место президента — тогда он поймет»⁸⁶.

Через несколько дней, когда Большаков прилетел в Пизунду, Хрущев — «загорелый и улыбчивый», в соломенной шляпе — «забросал его вопросами, касающимися Кубы». Председателя Совета министров интересовало, «пойдут ли Соединенные Штаты на вооруженное столкновение» с Кастро. Большаков ответил, что это возможно, подчеркнув, что президент находится «под сильным давлением» со стороны реакционеров, жаждущих сокрушить Кастро. Однако Кеннеди «знает, что пытаться бесполезно, — заметил Хрущев. — Куба уже не та, что была». Если бы решение находилось целиком в воле Кеннеди, ответил Большаков, скорее всего, он постарался бы найти компромисс. Однако он вынужден считаться со многими факторами. Здесь он привел слова Роберта Кеннеди о его страхе за положение брата. «Ерунда какая-то, — проворчал Хрущев. — Президент он или нет? Если он сильный президент, ему бояться некого. У него в руках все правительственные силы, а его брат — генеральный прокурор». Однако на деле Хрущев вовсе не был столь уверен в Кеннеди. Большакову он приказал, вернувшись в США, тщательно наблюдать за собеседниками и подмечать их реакции: «Замечайте все — тон, жесты, слова. Мы в Москве должны знать все, особенно в такое время, как сейчас»⁸⁷.

4 и 6 октября Большаков вновь встретился с Робертом Кеннеди — и тон последнего не внушал особых надежд. Генеральный прокурор разговаривал с ним сухо и формально: он попросил Большакова повторить устное заверение Хрущева, что отправленные на Кубу ракеты преследуют исключительно оборонные цели, записал эти слова и приказал секретарю их напечатать. На следующий день вашингтонский журналист и друг Кеннеди Чарльз Бартлетт пригласил Боль-

шакова на обед и за обедом попросил его еще раз продиктовать все хрущевское послание, чтобы его мог прочесть президент.

Еще два разговора на эту тему состоялись непосредственно перед тем, как президент Кеннеди узнал правду. 15 октября в беседе с Честером Боулзом Добрынин отрицал, что на Кубу переправляются морем бомбардировщики Ил-28. А на следующий день в Москве Хрущев заверил посла Коулера, что «ни в коем случае не станет предпринимать ничего, что могло бы повредить президенту во время кампании»⁸⁸. Несколькими днями ранее Хрущев отправился в Ташкент, возможно, желая скрыть свою нервозность по поводу кубинского предприятия. Оттуда он позвонил генералу Иванову, желая узнать, «как идут перевозки». Услышав, что «Луна» и Ил-28 уже в пути, Хрущев ответил: «Все ясно. Благодарю. Желаю успеха»⁸⁹. Примерно в то же время еще один разговор о ракетах состоялся у Хрущева с Трояновским. Все лето Трояновский чувствовал себя, «словно в автомобиле, который потерял управление». И вот однажды, когда они с Хрущевым остались вдвоем в кремлевском кабинете, тот внезапно выпалил: «Скоро разразится буря».

«Как бы лодка не перевернулась», — заметил Трояновский. — Несколько секунд, — вспоминает он, — Хрущев молчал, погруженный в собственные мысли. «Теперь уже поздно что-либо менять», — сказал он наконец»⁹⁰.

На первой же встрече по Карибскому вопросу, состоявшейся 16 октября в 11.50, Кеннеди и его советники единогласно приняли решение: советским ракетам на Кубе не место. Каковы бы ни были мотивы Хрущева — если смириться, он продолжит ту же тактику в других областях. И вполне возможно, что следующей его мишенью станет Берлин.

Сыграли свою роль и внутренние, и личные мотивы. «В Индиане только что выбрали Кейпхарта [республиканца], — заметил Кеннеди О'Доннелу, просматривая первые кубинские снимки, — и очень возможно, что следующим президентом США станет Кен Китинг». Если он и шутил, то это была горькая шутка⁹¹. Кеннеди и прежде беспокоило нелестное мнение Хрущева о его силе и решимости: но что подумает советский лидер о президенте, смиренно наблюдающем такой демарш или неспособном ему противостоять? Довольно с него Вены и поражения кубинских эмигрантов! На этот раз Хрущев сознательно пошел на обман, заморочил ему го-

лову ложными заверениями в миролюбии — и самое неприятное, что, пойдя у него на поводу, Кеннеди начал успокаивать ничего не значащими заверениями своих граждан.

Советники Кеннеди также не были намерены принимать сложившееся положение как должное. Идею начать переговоры Исполнительный комитет отверг сразу, понимая, что Хрущев использует их для накаления обстановки и мобилизации общественного мнения против Вашингтона. Между тем на 18 октября была назначена встреча президента с Громыко. Чего ожидать от этой встречи? Заговорит ли Громыко о ракетах? Если нет — можно ли пожимать ему руку? Кеннеди решил хранить молчание, пока не определит собственную позицию. Однако чего стоят переговоры, оба участника которых обходят молчанием серьезнейшую проблему, равно занимающую обоих?

Встреча состоялась в Овальном кабинете в пять часов вечера. Громыко заметил, что Кеннеди и Раск напряжены; государственный секретарь был «красен, как рак». Заметил он и папку на столе у президента и позже спрашивал себя, не лежали ли в ней те самые фотографии (на самом деле они хранились у Кеннеди в ящике стола). После обычного обмена любезностями Громыко заговорил о вопросах, не связанных с Кубой: после ноябрьских выборов Москва будет *вынуждена* (это слово Громыко повторил дважды) подписать мирный договор с Германией. Так что, если в конце ноября Хрущев прибудет в Нью-Йорк, им с президентом, «возможно, будет полезно» провести переговоры о Берлине. Кеннеди отверг возможность вести официальные переговоры, но на неофициальные согласился. Однако уже после ухода Громыко президент приказал передать Добрынину (через Томпсона), что считает подобную встречу «не вполне удобной».

Далее Громыко заговорил о том, что американцы напрасно так боятся Гаваны: Советский Союз ручается за то, что Кастро никому не угрожает. «Будь по-другому, — продолжал министр иностранных дел, перефразируя предупреждение Кеннеди от 4 сентября, — советское правительство не стало бы оказывать ему помощь».

В ответ Кеннеди зачитал вслух свое заявление от 4 сентября. Согласно записям Громыко, президент охарактеризовал ситуацию как «самую опасную со времен войны» и заметил, что «не имеет представления, чем все это кончится». Он добавил, что не намерен вторгаться на Кубу и старается сдерживать тех, кто выступает за такое развитие событий.

Вопрос о ракетах так и не был затронут, хотя оба подошли к нему очень близко. Громыко позднее писал, что, ес-

ли бы Кеннеди «заговорил о ракетах напрямую, я дал бы ему ответ, о котором мы условились в Москве: господин президент, Советский Союз предоставил Кубе незначительное число ракет для обороны. Они никому не угрожают и никогда угрожать не будут!» По словам Раска, Кеннеди дал Громыко «возможность признаться». Он подводил разговор к ракетам хотя бы для того, чтобы «услышать такое количество наглой лжи, какого я никогда прежде не слыхивал»⁹².

Годы спустя Хрущев восхищался ловкостью своего министра иностранных дел: «Громыко, конечно, все отрицал. На то он и дипломат... Потом американцы нас упрекнули, что мы вели себя нечестно, обманули их. Что значит обманули? Каждый имеет свои стратегические планы, и мы их друг другу никогда не докладывали и докладывать не будем»⁹³. Однако по сути Громыко сослужил своему хозяину дурную службу. Конечно, положение его было не из легких. Беседа с Кеннеди, вспоминал он позднее, стала «самой трудной» из всех его встреч с девятью американскими президентами, с которыми ему пришлось иметь дело⁹⁴. К тому же настоящие трудности только начинались. Громыко, конечно, почувствовал, что Кеннеди знает о ракетах. Требовалось немалое мужество, чтобы сообщить эту дурную весть в Москву. Кроме того, как сообщить о своих подозрениях, не раскрыв персоналу посольства секрет, который следует хранить пуще зеницы ока?

В конце концов Громыко послал в Москву две каблогаммы. В одной, отправленной в день встречи, он описывал беседу в Овальном кабинете — точно, подробно, и так, что эта запись не могла не встревожить человека, который, как Хрущев, знал о развертывании советских ракет и умел читать между строк. Второе, датированное 19 октября, призвано было смягчить впечатление от первого: встреча в Белом доме «подтвердила», что ситуация на Кубе «вполне удовлетворительна»; Соединенные Штаты не собираются вторгаться на Кубу, а намерены ограничиться экономическим бойкотом; сдержанность американцев вызвана «смелостью» русских в помощи Кастро; антикубинская кампания в Вашингтоне идет на убыль; сейчас, когда на носу перевыборы в конгресс, «военное вторжение на Кубу совершенно немыслимо»⁹⁵.

Сергей Хрущев «никогда раньше не видел отца таким обеспокоенным»⁹⁶. Однако благодаря предосторожностям Громыко истинный масштаб западни, в которую Хрущев сам себя загнал, пока оставался для него неясен.

Вашингтону предстояло принять решение. Некоторое время президент колебался между решением уничтожить ракеты с воздуха (возможно, одновременно с военным вторжением на Кубу) и объявить блокаду. Вечером 18 октября Исполнительный комитет одиннадцатью голосами против шести проголосовал за блокаду. Но на следующее утро мнение высокопоставленных политиков склонилось в сторону бомбардировки. Тщательно соблюдая установленное расписание, Кеннеди отправился в предвыборную поездку. В его отсутствие Роберт Кеннеди, выполняя волю брата, настоял на «карантине»: это слово означало то же, что и «блокада», но, в отличие от последнего, не имело агрессивных коннотаций. Бывший госсекретарь США Дин Ачесон настаивал на более решительных действиях, ссылаясь на характер Хрущева: «Помните, вы имеете дело с сумасшедшим!» Если Хрущев и впрямь ненормальный, тем более нужно избегать любых резких действий, способных разжечь в нем желание войны⁹⁷.

20 октября, в субботу, президент вернулся в Вашингтон, под предлогом простуды прервав предвыборную поездку. Ему предстояло принять окончательное решение: карантин или бомбардировка? Первое оставляло Хрущеву пространство для маневра. Но после обсуждения в Исполнительном комитете 21 октября стало очевидным, что все склонялись к бомбардировке. К чести Кеннеди, он придерживался более мирного решения и настоял на своем. На следующее утро Кеннеди сообщил обо всем бывшему президенту Эйзенхауэру, затем в тот же день — конгрессменам и лидерам союзных государств. По расписанию, в этот день в семь вечера президент должен был выступать по телевидению: к шести часам в Госдепартамент был вызван посол Добрынин. Добрынин знал, что разразился какой-то кризис, но не представлял, связан ли он с Кубой или Берлином. На встрече Раск вручил ему текст речи президента, отказавшись его комментировать или отвечать на какие-либо вопросы. Во время разговора Раск заметил, что «Добрынин постарел лет на десять»⁹⁸.

Тем временем в Москве Коулер получил от Раска каблограмму, в которой содержалось письмо Кеннеди к Хрущеву. В нем президент упрекал адресата в нерасчетливости (тщательно избегая самого этого слова, на которое Хрущев так бурно отреагировал в Вене), заявлял, что США знает о «размещении ракет и других систем наступательного вооружения на Кубе» и что «Соединенные Штаты полны решимости сделать так, чтобы эта угроза безопасности всего полушария была устранена»⁹⁹.

Ранним утром 23 октября, во вторник, американский дипломат Ричард Дейвис вручил это письмо вместе с текстом речи президента чиновникам советского МИДа. В речи Кеннеди вопрос о ракетах рассматривался более детально, делался акцент на «сознательном обмане» со стороны Москвы (в том числе упоминались лживые заявления Громыко четырехдневной давности), в качестве начального шага Вашингтон устанавливал «карантин» острова; Хрущева президент призывал «остановиться, устранить эту безрассудную и провокационную угрозу миру во всем мире и вернуть отношения между нашими странами в прежнее русло»¹⁰⁰.

22 октября (в Москве было около семи вечера, в Вашингтоне — полдень) Пьер Сэлинджер объявил, что вечером президент Кеннеди обратится к народу. Хрущев только что вернулся с прогулки и снимал пальто, когда раздался телефонный звонок. Повесив трубку, Хрущев, не раздеваясь, снова вышел на свежий воздух. «Похоже, они обнаружили наши ракеты, — сказал он сыну. — Больше это ничем не объяснишь. В Берлине все тихо. Если бы они хотели напасть на Кубу, тоже бы помалкивали». Что же теперь будет? — спросил Сергей. «Хотел бы я знать, — ответил Хрущев. — Ракеты еще не приведены в боевую готовность. Они беззащитны, их можно стереть с лица земли одним воздушным ударом».

Однако, если бы американцы собирались бомбить Кубу, едва ли стали бы объявлять об этом заранее. Может быть, Кеннеди хочет переговоров? «Ладно, завтра утром все узнаем, — сказал Хрущев сыну и прибавил: — Не приставай, мне надо подумать». Прогулка продолжалась в молчании. Вернувшись домой, Хрущев снял трубку кремлевского телефона: «Обзвоните всех [членов Президиума] и скажите, чтобы через час собрались в Кремле. Что такое? Я им сам скажу. Еще пригласите Малиновского и Кузнецова [заместитель министра иностранных дел; сам Громыко еще не вернулся в Москву]».

Повесив трубку, Хрущев приказал подать машину. «Не ждите меня, вернусь поздно», — сказал он Сергею¹⁰¹.

Формально на повестке дня Президиума значился лишь один вопрос: «Обсуждение дальнейших мер по Кубе и Берлину» — еще одно свидетельство того, что в сознании Хрущева эти две «горячие точки» были как-то связаны. Помимо членов и кандидатов в члены Президиума, а также секретарей ЦК, на заседание были приглашены руководители МИДа и Министерства обороны. Хрущев выглядел «красным и взвол-

нованным». Сообщив коллегам о предстоящей речи Кеннеди и о том, что, по всей видимости, президент собирается говорить о Кубе, Хрущев взглянул на Малиновского. «Это вы все продули!» — рявкнул он. Грузный министр приподнялся в кресле, собираясь оправдываться... «Сидите! — махнул рукой Хрущев. — Все равно вам сказать нечего!»

Малиновский попытался успокоить шефа. «Не думаю, что они что-то предпримут немедленно», — заметил он. Если американцы решили вторгнуться на Кубу, для подготовки вторжения потребуется не меньше двадцати четырех часов. Однако Хрущев прервал его: «Мы не собираемся развязывать войну. Все, что нам нужно, — припугнуть антикубинские силы». Он упомянул о двух «сложностях»: «Мы еще не разместили все, что собирались, и не опубликовали договор [между СССР и Кубой]». Это «просто трагедия», продолжал Хрущев. Его план, рассчитанный на предотвращение войны, теперь может стать ее причиной. «Они могут напасть, — говорил он, — и тогда нам придется защищаться. Все может кончиться большой войной». Есть один выход, впрочем, больше напоминающий соломинку для утопающего: Кремль может заявить, что «ракеты принадлежат кубинцам, а кубинцы объявят, что берут ответственность на себя». Угрожать Соединенным Штатам ракетами средней дальности Кастро, разумеется, позволять нельзя; но он может пригрозить «использовать тактические ракеты»¹⁰².

Вопрос был в том, готов ли Советский Союз к использованию ядерного оружия. И на этот вопрос советское руководство не могло ответить определенно. В ожидании речи Кеннеди Президиум составил приказ Плиеву, предназначенный для того, чтобы избежать случайного начала ядерной войны: в случае нападения на Кубу советские и кубинские войска должны защищаться всеми средствами, «за исключением объектов, находящихся под командованием Стаценко и Белобородова». Генерал-майор Игорь Стаценко командовал ракетами средней дальности, полковник Николай Белобородов отвечал за ядерные боеголовки. Но тут же Президиум пересмотрел свое решение: во втором приказе Плиеву значилось, что он может использовать тактическое ядерное оружие, не должен лишь без прямого приказа из Москвы направлять ракеты на территорию США. И тут же — новый поворот: на Кубу был отправлен не второй приказ, а первый¹⁰³.

Примерно за час до выступления Кеннеди (около часа ночи по московскому времени) МИД СССР получил по телефону текст его речи. Трояновский перевел его на русский язык. Первой реакцией Хрущева, вспоминает он, было «ско-

рее облегчение, чем тревога». Морская блокада Кубы поначалу была воспринята как нечто неопределенное, тем более что президент назвал блокаду карантинном, а это создавало иллюзию еще большей неопределенности. Во всяком случае, речь как будто не шла об ультиматуме или прямой угрозе удара по Кубе. Настроение Хрущева мгновенно переменялось. «Ну что же, видимо, можно считать, что мы спасли Кубу!» — воскликнул он. И тут же принялся составлять резкий ответ струсившему, как ему показалось, президенту¹⁰⁴.

В письме Хрущева, отосланном в тот же день, действия Кеннеди именовались «серьезной угрозой миру и безопасности», «агрессивными действиями против Кубы и СССР». Хрущев требовал, чтобы Кеннеди отказался от проводимых им действий, «которые могут привести к катастрофическим последствиям для мира во всем мире». Черновик письма он продиктовал глубокой ночью, в присутствии коллег. Утром МИД подготовил беловую версию. Хрущев попросил коллег провести остаток ночи в своих кремлевских кабинетах — иначе иностранные корреспонденты и другие заинтересованные лица могут заметить, что в Кремле состоялось незапланированное ночное совещание, и заключить, что советские лидеры нервничают. Никто не возражал, хотя почти у половины собравшихся своих кабинетов в Кремле не было. Хрущев лег у себя в кабинете, а те, кто обычно работал в здании ЦК на Старой площади, устроились в креслах в зале заседаний Президиума.

В 10 утра заспанные члены Президиума вновь собрались на совет. Помощники Хрущева зачитали его письмо к Кеннеди и черновик заявления Совета министров. Заявление было одобрено, письмо к Кеннеди подверглось правке. В 15.10 Кузнецов вручил это письмо послу США Коулеру. Через пятьдесят минут по московскому радио было зачитано заявление Совета министров, из которого советские граждане узнали о действиях Кеннеди (о размещении советских ракет, ставшем причиной этих действий, ничего сказано не было) и о мерах повышения боевой готовности Советской Армии, в том числе отмене увольнений и отпусков для солдат и офицеров¹⁰⁵.

На вечер у Хрущева было запланировано посещение театра: вместе с румынской делегацией он должен был слушать в Большом американскую постановку «Бориса Годунова». Стремясь скрыть тревогу, он отправился в театр, был весел, энергичен и подчеркнуто дружелюбен после спектакля во время беседы с американскими артистами¹⁰⁶. Однако перед оперой Хрущев заезжал домой, и сын Сергей заметил, что

он подавлен и недоволен. Очевидно, американцы знают о ракетах, сказал он Сергею: но что именно им удалось узнать? Может быть, они полагаются на слухи? А с другой стороны, неужели они пошли бы на столь решительные действия, если бы не были полностью информированы?

В подобном состоянии пребывал и Кеннеди в Вашингтоне. Он тоже радовался, что не произошло худшего: но что же дальше? ЦРУ сообщало, что на острове и вокруг него кипит активность: советские корабли на всех парах движутся к Кубе, спешно монтируются пусковые установки — однако советские и кубинские боевые самолеты спокойно стоят в ангарах, словно ждут, чтобы их разбомбили¹⁰⁷.

Письмо Хрущева к Кеннеди дошло до адресата 23 октября после полудня. В тот же вечер Кеннеди отправил сухой и краткий, всего из двух абзацев, ответ. В нем президент призывал обе стороны к терпению и сообщал Хрущеву, что режим карантина вступит в силу следующим утром¹⁰⁸.

К вечеру 23 октября советский посол Добрынин еще не получил никаких указаний из Кремля — яркий симптом смятения в советском руководстве. Только двадцать четвертого советские послы в некоммунистических странах получили из Москвы официальную версию происходящего. Двадцать третьего Добрынин сообщил в Москву, что американцы «нервничают» и «готовы достаточно далеко зайти в испытании силы СССР». В тот же вечер в его рабочий кабинет на третьем этаже советского посольства зашел Роберт Кеннеди. По рассказу Добрынина, генеральный прокурор был, «очевидно, очень взволнован; он говорил, повторяясь и глотая слова». Кеннеди заявил, что на советские заверения относительно Кубы его брат «поставил свою политическую карьеру». Он вынудил Добрынина признать, что даже ему не было известно о размещении ракет. Уже уходя, Кеннеди поинтересовался, как отреагируют капитаны советских судов на распоряжение о карантине. «Они никому не позволят в нарушение международного права останавливать и обыскивать свои корабли», — ответил Добрынин.

— Тогда не знаю, чем все это кончится, — воскликнул Кеннеди, — потому что мы твердо намерены их остановить!

— Это означает объявление войны, — заметил Добрынин.

Кеннеди молча покачал головой и вышел¹⁰⁹.

«После некоторого колебания», вспоминает Добрынин, он сообщил об этой беседе в Москву. «Я передал слово в слово все резкие заявления Роберта Кеннеди, в том числе и крайне нелестные для Хрущева и Громыко. Хотелось дать Москве понять, какое волнение царит в близких к прези-

денту кругах... чтобы Кремль ощутил нервную атмосферу, царящую в Вашингтоне». Позже Добрынин узнал, что Громыко пересказал его доклад Хрущеву (возможно, опустив нелестные эпитеты Роберта Кеннеди), но другим членам руководства ничего о нем не сообщил¹¹⁰. То, что сам посол не получил ответа ни от Хрущева, ни от Громыко, можно списать на их личное раздражение. Однако более глубокой причиной молчания Москвы, по мнению Кузнецова, была «растерянность» Хрущева. Не зная, что делать, он «лишь прикрывался бравыми публичными заявлениями и составленными в таком же духе первыми двумя письмами... Кеннеди (от 23 и 24 октября)»¹¹¹.

24 октября Добрынин позднее назвал «самым памятным днем» за три десятилетия его работы послом в Соединенных Штатах¹¹². В это утро, вспоминал Роберт Кеннеди, «волнение президента достигло высочайшей степени». Пока Исполнительный комитет ожидал известий от морских патрулей, «президент то поднимал руку к лицу и прикрывал ею рот, то сжимал пальцы в кулак. Голубые глаза его сделались стальными: сидя за столом напротив меня, он не отрывал от меня напряженный взгляд»¹¹³.

В 10.00 по вашингтонскому времени, когда формально начиналось действие карантина, Стратегическое военновоздушное командование США объявило о боевой готовности DEFCON-2 — на одну ступень ниже военного положения. Впервые в истории в боевую готовность были приведены все американские ракетные установки и бомбардировщики¹¹⁴. Чтобы быть уверенным, что Москва поняла намек, командующий ВВС США генерал Томас Пауэр, действуя по собственному разумению, без разрешения президента передавал приказы без кодировки¹¹⁵.

Тем временем в Москве, в 6.00 по московскому времени, Ричард Дейвис передал в Министерство иностранных дел официальное уведомление о начале карантина. Поднимаясь на верхний этаж здания МИДа — сталинской высотки, — он заметил человека в допотопном противогазе и с канистрой времен Второй мировой войны. Возможно, служащие МИДа хотели таким способом показать американцу, что к войне готовы? В тот же день, вспоминал позднее Дейвис, советские чиновники, с которыми он разговаривал, как правило, «высокомерные и даже грубые», сделались вдруг «пугающе вежливыми», непрерывно звонили ему (что само по себе было необычно) и спрашивали: «Мистер Дейвис, как пожи-

вает миссис Дейвис? Как ваши дети? Как здоровье? Все ли у вас в порядке? Всем ли вы довольны?»¹¹⁶

Поведение Хрущева, чередовавшего угрозы с отступлениями, вполне соответствовало ответу мидовских чиновников на объявление DEFCON-2 — извлеченному из какого-то чулана старому противогазу¹¹⁷. Накануне вечером он отдал приказ советским судам продолжать двигаться на Кубу (а подводным лодкам — если по ним будут стрелять, отвечать огнем); однако теперь, узнав о разговоре Добрынина с Кеннеди, засомневался. Утром двадцать четвертого на заседании Президиума Хрущев предложил остановить хотя бы некоторые корабли: все необходимое оружие уже достигло Кубы, сказал он, хотя ракеты малой дальности еще не пришли. Позже в тот же день он не знал, приказать ли продолжать движение танкерам, которым придавалось особое военное значение. Наконец, перед самой границей карантинной зоны все советские корабли остановились или повернули вспять¹¹⁸.

Ранее в тот же день Уильям Нокс, президент «Вестингауз электрик компани», находившийся в Москве с деловым визитом, был вызван к Хрущеву, с которым познакомился в Нью-Йорке два года назад. Хрущев показался ему «спокойным, дружелюбным, открытым — без всякого шутовства», однако «очень усталым». Слова его показывали, что его охватывает то страх, то гнев, ибо он не понимает, что делать: то ли заверять Кеннеди в своих благих намерениях, то ли обрушиться на него с упреками и угрозами. Уже готовый приказать советским кораблям остановиться, он, однако, предупредил Нокса, что, если американцы попытаются остановить и обыскать советские суда, он прикажет советским субмаринам их потопить. Затем пожаловался, что президент его «предал» (звучало это почти комично, если учесть, что хладнокровным обманщиком в этой истории был он сам). Даже Эйзенхауэр, сетовал Хрущев, в такой ситуации повел бы себя более зрело. «Как мне вести дела с человеком, который моложе моего сына?!» — воскликнул он¹¹⁹.

Достойного ответа он не нашел. Два дня спустя советский представитель в ООН Валериан Зорин по-прежнему отрицал наличие на Кубе советских ракет. Зато Хрущев заверил Нокса, что ракеты находятся под советским, а не кубинским контролем. Хрущев настаивал, что «не заинтересован в том, чтобы нарушить мир — однако, если мы хотим встретиться в аду, решение зависит только от нас». Правда закончил он, в сущности, мольбой о встрече с президентом, говоря, что «будет рад увидеть его в Москве, будет рад встретиться с ним в Вашингтоне, или в море на корабле, или в

любом другом нейтральном месте, неофициально, без фанфар — просто для того, чтобы найти пути решения наиболее серьезных проблем между нашими странами»¹²⁰.

В тот же день Хрущев отправил Кеннеди еще одно сердитое письмо. «Кто вас просил делать это?» — спрашивал он, как будто молодой президент не способен был сам принять решение. Кеннеди «выдвигает ультиматум» и «хочет запугать нас». Однако, замечал Хрущев, «думаю, что внутренне вы признаете мою правоту. Убежден, что на моем месте вы поступили бы так же... Представьте себе, что мы поставили бы вам те ультимативные условия, которые вы нам поставили своей акцией», — настаивал человек, чья неспособность поставить себя на место противника и предвидеть его действия привела к страшнейшему в истории кризису. Советский Союз не смирился с блокадой Кубы, предупреждал Хрущев — всего за несколько часов до того, как сам с этим смирился.

И все это время продолжались лихорадочные работы на кубинских ракетных базах¹²¹.

В четверг, двадцать пятого октября, в середине утра пришел холодный, но спокойный ответ от Кеннеди. Не он «бросил первым вызов», писал президент. Он сожалеет о том, что кризис «вызвал ухудшение в наших отношениях», и надеется, что действия Хрущева «позволят восстановить существовавшее ранее положение»¹²². По рассказу сына, Хрущев был приятно удивлен и даже «тронут». Сергей считает, что именно это письмо убедило его отца согласиться на компромисс. Помог делу и DEFCON-2. По словам Сергея, его отец рассматривал введение военного положения как «блеф», однако принял его во внимание¹²³.

На послеобеденном заседании Президиума Хрущев отказался от дальнейшего «обмена резкостью» с Кеннеди, подтвердил распоряжение о том, чтобы корабли, нагруженные ядерным оружием, повернули к дому, и заявил, что хочет положить кризису конец. «Мы должны убрать ракеты и превратить Кубу в зону мира», — сказал он своим коллегам. Он даже готов был позволить ООН проинспектировать военные базы. Именно на этих условиях в конце концов и был положен конец кризису. Однако в тот момент Хрущев был к этому еще не готов. Перед тем как убирать ракеты, он хотел «осмотреться», убедиться, что на меньшее Кеннеди не согласен. Коллеги Хрущева, как обычно, с ним согласились: большинство выказывали полную поддержку, лишь Громыко и Малиновский не проявляли особого энтузиазма¹²⁴.

В тот же вечер, вернувшись домой, Хрущев вышел с сыном на обычную прогулку. Сергей выразил опасение, что компромиссное решение приведет к «национальному унижению». Отец старался его подбодрить: Сергею показалось, что он стремится убедить и самого себя. На Кеннеди оказывается сильнейшее давление: его призывают вторгнуться на Кубу. Если он это сделает — чем ответить? Напасть на американцев в Берлине? Но это глупо, это ничего не решит; а если начнется война, ее уже не остановить.

В прошлом Хрущев не раз использовал ядерный шантаж для решения внешнеполитических проблем. Он много раз блефовал — и теперь настало время отвечать за блеф. В подобных обстоятельствах другой правитель мог бы попытаться похоронить вместе с собой весь мир, как Гитлер, или просто сломаться, как Сталин в июне 1941 года. Но Хрущев был не похож ни на Гитлера, ни на Сталина. Крушение честолюбивых замыслов его не останавливало: стоило оказаться несостоятельным одному, как он тут же брался за осуществление другого. Вот и теперь он мечтал спасти Кубу — и не только Кубу, но и весь мир, который его собственное безрассудство привело на край пропасти.

Вернувшись домой, Хрущев выпил, как обычно, чашку чая с лимоном, рассеянно перелистал газеты (в тот день «Правда» вышла с кричащим заголовком: «ЗАЩИТИМ И УКРЕПИМ МИР НА ЗЕМЛЕ! РУКИ ПРОЧЬ ОТ КУБЫ!») и медленно поднялся по лестнице к себе в спальню.

26 октября, в пятницу, на юго-востоке США сконцентрировалось величайшее количество вооруженных сил со времен Корейской войны. Командование требовало воздушного удара и вторжения на Кубу. На острове продолжалась лихорадочная установка ракет и сборка бомбардировщиков Ил-28. Москва потерпела неприятное поражение в ООН, где Эдлай Стивенсон в ответ на заверения все отрицавшего советского представителя Зорина продемонстрировал фотографии ракетных баз, сделанные с У-2. Однако генеральный секретарь ООН У Тан играл на руку СССР: он предложил мораторий от двух до трех недель как на карантин, так и на советские военно-морские перевозки¹²⁵. А Хрущева в то утро ожидала на рабочем месте серо-голубая папка с материалами, подготовленными советской разведкой.

То, что нашел Хрущев в этой папке, его поразило. Согласно хорошо осведомленному американскому источнику, администрация Кеннеди решила «покончить с Кастро». План

вторжения продуман «до последней детали», и «военные действия могут начаться в любой момент». Это заключение подтверждалось и другими известиями — например, о том, что военные госпитали США подготовлены к массовому приему раненых. Кузнецов позже говорил своему коллеге, что, прочтя эти материалы, Хрущев «наклат в штаны». Теперь он был готов предложить Кеннеди компромисс, идею которого сформулировал днем раньше перед своими коллегами¹²⁶.

На самом деле записка ввела Хрущева в заблуждение. Она была основана на беседе между двумя американскими журналистами, подслушанной барменом — русским эмигрантом — в среду вечером в Национальном пресс-клубе. Уоррен Роджерс из «Нью-Йорк геральд трибюн» значился в утвержденном Пентагоном списке журналистов, призванных освещать вторжение, если и когда оно состоится. Бармен по имени Джонни Проков услышал, как Роджерс говорит: «Я вылетаю завтра ночью», — и сделал вывод, что начало боевых действий намечено на послезавтрашнее утро. Около часа ночи в четверг он рассказал об этом Анатолию Горскому, корреспонденту ТАСС и агенту КГБ. Советское посольство сделало все возможное, чтобы получить какое-либо подтверждение этой новости. Один из сотрудников посольства, чтобы завязать разговор с Роджерсом, помял бампер его машины на автостоянке возле отеля «Уиллард». Дипломат Георгий Корниенко пригласил его на обед. И у того, и у другого сложилось впечатление, что вторжение начнется с минуты на минуту. Об этом советское посольство и КГБ и сообщили в Москву¹²⁷.

Получив эти известия, Хрущев начал диктовать Кеннеди длинное взволнованное письмо. Традиционный ядерный шантаж был отброшен. Война, писал Хрущев, станет «бедствием для всех народов». «Вы угрожаете нам войной. Можете не сомневаться в этом отношении, мы вполне понимаем и отдаем себе отчет в том, что, если мы первыми нанесем удар, вы ответите тем же, — но и вы получите то же, что пошлете нам... Если уж война разразится, то не в нашей власти будет ее задержать, остановить, ибо такова логика войны... Война кончается тогда, когда она прокатится по городам и селам, сея повсюду смерть и разрушение... Нам с вами не следует сейчас тянуть за концы веревки, на которой вы завязали узел войны, потому что чем сильнее мы с вами будем тянуть, тем сильнее будем затягивать этот узел... пока не придется его разрубить. А что это значит, не мне вам разъяснять, потому что вы сами отлично понимаете, какими грозными силами обладают наши страны».

Чтобы ослабить узел, Хрущев сделал следующее предложение. Он не вступает в торги, не предлагает сделку. Он даже не станет называть все условия. Не будет вмешивать в это дело Фиделя Кастро (хотя сорок восемь часов спустя он именно это и сделал). Суть дела проста: если на Кубе не будет американцев — не будет и ракет.

Это письмо Хрущев продиктовал, не совещаясь с Президиумом. В 16.42 текст его был передан в американское посольство (минуя Министерство иностранных дел, через которое обычно передавались подобные документы): в тексте имелись некоторые поправки, сделанные от руки теми же фиолетовыми чернилами, что и подпись: «Н. Хрущев». Тем временем помощники Хрущева разослали копии письма членам Президиума и секретарям ЦК. Поскольку накануне они одобрили изложенный в общих чертах план Хрущева, персонального одобрения письма от них не требовалось¹²⁸.

Работники посольства разделили письмо Хрущева на несколько частей для ускорения перевода и, переведя, отправили в Вашингтон. США получили его через восемь часов, в 18.00 по вашингтонскому времени. Встреча Исполнительного комитета для обсуждения письма была назначена на завтра, на 10 утра. Тем временем в Москве Хрущев и его помощники отправились на еще один запланированный по расписанию концерт, на этот раз — выступление кубинских артистов. Ночь Хрущев снова провел у себя в кабинете.

27 октября, в субботу, Хрущев проснулся, когда Вашингтон еще только ложился спать. За ночь настроение его переменялось. Накануне он боялся, что вторжение на Кубу неминуемо, — теперь же заявил Президиуму: «Думаю, они на это не осмелятся». Если до сих пор американцы не напали на Кубу, значит, «просто не готовы к этому — так мне думается». А это значит, что «принятые нами меры правильны». Однако, добавил он, «гарантий у нас нет». Чтобы принять правильное решение, «нельзя быть твердолобыми». Оглядываясь назад Хрущев не собирался: «Совершили ли мы ошибку или нет? Об этом можно подумать и позже». А пока что он предложил на рассмотрение коллегам еще одно письмо к Кеннеди, в котором к выставленному условию добавлялось новое: американцы должны убрать ракеты из Турции.

Это новое письмо Хрущев продиктовал в присутствии Президиума. Оно (позже отредактированное помощниками) звучит куда спокойнее и официальнее послания от двадцать шестого. «Мы готовы удалить с Кубы средства [вооруже-

ния], которые вы называете наступательными». Соединенные Штаты, «в свою очередь, должны удалить аналогичные средства из Турции». Советское правительство «ответственно обязуется... не вторгаться в Турцию», а правительство США должно «сделать такое же заявление в отношении Кубы». Представители обеих сторон должны встретиться в Нью-Йорке: они получают «исчерпывающие инструкции с тем, чтобы быстрее договориться»¹²⁹. Поскольку предыдущие письма шли из Москвы в Вашингтон непозволительно долго, это будет зачитано по московскому радио.

Зачем понадобилось второе письмо? «Если мы дополнительно добьемся ликвидации баз в Турции, — объяснил Хрущев Президиуму, — то выиграем»; кроме того, он полагал, что и сами американцы об этом подумывают. 23 октября в беседе с Большаковым двое американских журналистов, тесно связанных с Кеннеди, Фрэнк Хоулман и Чарлз Барлетт, подняли вопрос о турецких базах, 25 октября Уолтер Липпман посвятил свою колонку аналогиям между ситуацией на Кубе и в Турции, и еще один американский журналист выразил то же мнение в беседе с агентами КГБ, отчет о которой был передан в Москву 27 октября¹³⁰. Хотя Хрущев и прибавил дополнительное условие, публикация письма (в частности, первое публичное признание советской стороны в том, что ракеты на Кубе действительно есть) показывала, что он действительно ищет соглашения. По словам Трояновского, Хрущев опасался, что письмо от 26 октября покажется американцам чересчур расплывчатым. «Никому не пришло в голову, — пишет Трояновский в своих мемуарах, — что придание гласности турецкого аспекта сделки создаст дополнительные трудности для Белого дома»¹³¹.

«Трудности» — это еще мягко сказано! В субботу утром, узнав о последнем послании Хрущева, Кеннеди и его советники были поражены. Письмо Хрущева от 26 октября, замечал Макнамара, не содержало в себе никаких конкретных предложений. «Двенадцать страниц отвлеченных рассуждений. Ничего точного. Нет договора, который можно подписать, точно зная, что подписываешь». Однако «не успели мы дочитать это чертово послание до конца, как все переменялось — *совершенно* переменялось»¹³².

Хрущев снова не смог предвидеть реакцию противника: придание огласке нового предложения буквально гарантировало, что оно будет отвергнуто, что Вашингтон увидит в нем свидетельство коварства русских и, возможно, перейдет к военным действиям. По счастью для Хрущева, президент, в отличие от большинства членов Исполнительного комите-

та, был склонен согласиться. Турецкие ракеты никогда не имели для Вашингтона большого значения, и Кеннеди уже подумывал о том, чтобы их убрать¹³³. «Мне кажется, — заговорил он теперь, — нам следует... поступать разумно... Может быть, в самом деле вывести ракеты из Турции?»¹³⁴ Пока он решил проигнорировать второе письмо Хрущева и ответить лишь на первое: если Советский Союз выведет «все виды оружия, находящиеся на Кубе и имеющие наступательный характер», то, после соответствующей проверки, США «быстро отменяют меры карантина, применяющиеся в настоящий момент», и «дадут заверение в отказе от вторжения на Кубу»¹³⁵.

Ответ президента был отправлен в субботу около восьми часов вечера, а получен советским Министерством иностранных дел в воскресенье около десяти утра. К этому времени произошли три события, снова изменившие настроение Хрущева. Утром двадцать седьмого У-2, вылетевший с Аляски с целью «сбора образцов воздуха», сбился с курса и залетел в советское воздушное пространство над Чукотским полуостровом. По счастью, ему удалось улететь невредимым. Территория Чукотки не имела стратегического значения, так что даже сам Хрущев пришел к выводу, что злого умысла здесь не было. Однако нервы его были напряжены, и это происшествие подлило масла в огонь¹³⁶.

Второй инцидент был куда серьезнее. 27 октября, около полудня, еще один У-2 был сбит над Кубой, а его пилот, майор Рудольф Андерсон, убит. Накануне Кастро приказал своим противовоздушным силам сбивать любой самолет, который вторгнется в воздушное пространство Кубы; однако, поскольку ракет «земля-воздух» у кубинцев не было, а радары имели весьма ограниченный радиус действия, до утра двадцать седьмого никого сбить им не удавалось. Генерал-лейтенант Степан Гречко, командовавший советскими ПВО на Кубе, знал, что генерал Плиев приказал привести советские ракеты «земля-воздух» в полную боевую готовность, и запросил у Москвы разрешения стрелять по американским самолетам, пролетающим над советскими базами. Ответ из Москвы еще не пришел, когда над одной из ракетных баз появился У-2 Рудольфа Андерсона. Не сомневаясь, что война вот-вот начнется (если уже не началась), Гречко — или кто-то другой — приказал открыть огонь¹³⁷.

Известие о сбитом самолете поразило и Вашингтон, и Москву. Американские высокопоставленные лица, в том числе и в Белом доме, требовали возмездия, однако Кеннеди наложил вето на любые действия. Хрущев страшился то-

го же сценария, который описывал в Вашингтоне Макнамара: «Мы отправляем разведывательные самолеты. Их молча сбивают. Так не может продолжаться. Мы должны ответить... Нужно спешно готовиться к вторжению на Кубу... Если мы бросим все силы на Кубу и оставим без присмотра ракеты в Турции, Советский Союз может напасть на наши турецкие базы — и, скорее всего, так и сделает... Мы не можем этого позволить»¹³⁸.

Именно в этот момент, рассказывал Хрущев сыну, он «нутром» понял, что ракеты не удержат. Если боевой офицер принимает решение об использовании ракеты «земля-воздух», замечал позднее Трояновский — значит, «одной искры достаточно, чтобы полыхнул взрыв». Первый взрыв уже грянул: Малиновский объявил, что, поскольку связь с Москвой требует времени, советские офицеры ПВО приняли решение подчиняться указаниям Фиделя Кастро. «Да чья это армия?! — взревел Хрущев. — Советская или кубинская?! Если Гречко служит в Советской Армии, почему готов подчиняться чужим приказам?!»¹³⁹

Но больше всего потрясло Хрущева третье событие, связанное с самим Фиделем Кастро. До 26 октября Кастро надеялся, что дело кончится миром. Но вечером двадцать шестого уверился, что американское вторжение неминуемо состоится в ближайшие два-три дня. Около двух часов ночи 27 октября он явился на квартиру к советскому послу Алексееву. Как следует подкрепившись сосисками с пивом, он провел остаток ночи за сочинением письма Хрущеву. Фидель продиктовал Алексееву не меньше десяти версий письма, которые тот, не будучи профессиональным переводчиком, записывал и переводил сам. «Я диктовал, он записывал, а я потом редактировал, — вспоминал позднее Кастро. — Говорил, например: “Уберите это слово, добавьте это, измените то”. Все это происходило 27-го, глубокой ночью... Еще за сутки до того мы не видели никакого выхода. Ни единого возможного решения»¹⁴⁰.

«Поначалу, — вспоминает Алексеев, — мне трудно было понять, что скрывается за его сложными формулировками». Неужели Кастро требует, чтобы Советский Союз нанес по США превентивный ядерный удар? «Нет, — ответил Кастро. — Я не хочу говорить этого напрямую: но при определенных обстоятельствах нам не следует отдавать инициативу империалистам, позволив им нанести первый удар и, возможно, стереть Кубу с лица земли»¹⁴¹.

Позже Кастро заверял, что пытался объяснить Хрущеву: американское нападение неизбежно, и советские войска

должны отвечать на него сразу, без колебаний. Нельзя пропускать первый удар, как случилось с СССР в 1941 году. «Если такое случится, — пояснял свою мысль Кастро, — колебаться нельзя. Мы не можем позволить повторения событий Второй мировой войны». Вот почему «я решил написать Никите письмо, которое должно было его подбодрить. Таково было мое намерение. Я хотел морально его поддержать, поскольку понимал, что он глубоко страдает. Мне казалось, что я хорошо его знаю»¹⁴².

Послание, которое Кастро в конце концов отправил в Москву, звучало так: «Если... империалисты вторгнутся на Кубу с целью ее оккупации, опасность подобной агрессивной политики для всего человечества будет столь велика, что в этом случае Советский Союз ни при каких обстоятельствах не должен позволять империалистам первыми нанести ядерный удар». Вместо этого необходимо будет «раз навсегда уничтожить эту угрозу законным и морально верным актом обороны. Как бы тяжело и ужасно ни было такое решение, другого выхода нет»¹⁴³.

Алексеев связался с Москвой и сообщил о послании Кастро; само оно пришло в Москву двадцать восьмого около 1.10. Трояновский, в эти дни ночевавший в здании ЦК на Старой площади, получив телеграмму, позвонил Хрущеву домой и зачитал ему текст Кастро. Несколько раз Хрущев прерывал его, прося повторить ту или иную фразу¹⁴⁴.

Письмо Кастро не «подбодрило» Хрущева, как того хотел кубинский лидер, — напротив, поразило и оттолкнуло. Хрущев понял его в том смысле, что Кастро предлагает «немедленно нанести первыми ракетно-ядерный удар по США». Это показывало, что «Фидель совершенно не понял нашей цели»: ведь СССР стремится не завоевать США, а «только исключить вторжение на Кубу»¹⁴⁵.

Масла в огонь подлило еще одно событие — вечером в субботу состоялась долгая беседа Роберта Кеннеди и советского посла Добрынина. Генеральный прокурор передал послу те добавления, которые президент счел нужным сделать к своему письму. Во-первых, если кубинские ракеты не будут вывезены незамедлительно, США оставляют за собой право применить силу. Во-вторых, на вывоз ракет из Турции Кеннеди согласен, однако публично об этом объявлено не будет (чтобы у Турции и других союзников США по НАТО не сложилось впечатление, что Соединенные Штаты сдали Турцию под давлением Москвы). Но президент дает слово: не будет ракет на Кубе — не будет и в Турции¹⁴⁶.

Встреча состоялась в 19.45 в Департаменте юстиции. В

шифрограмме, отправленной в Москву той же ночью, Добрынин сообщал, что брат президента «был очень взволнован — в таком состоянии я видел его впервые». («Да и мы выглядели не намного лучше», — заметил позже Хрущев своему сыну.) От любых рассуждений и споров Роберт отказывался, лишь повторял: «Время уходит. Нельзя терять наш единственный шанс».

Генеральный прокурор упомянул о сбитом У-2. Американское военное командование требует, чтобы разведывательные полеты продолжались, и в следующий раз на огонь будут отвечать огнем. Правительство США готово нанести по ракетным базам удар с воздуха; в этом случае начнется страшная цепная реакция, которая приведет к ядерной войне. Американцы этого не хотят — и русские, видимо, тоже. Однако «и среди генералов, и в других местах есть горячие головы, жаждущие драки». Необходимо достичь соглашения на условиях, указанных в послании Хрущева от 26 октября и ответе Кеннеди. Хотя Добрынин не видел полного текста письма Хрущева от 27 октября и не получал из Москвы указаний относительно турецкого вопроса, он решился спросить: «А что будет с Турцией?» Если это — единственное препятствие к соглашению, ответил Роберт Кеннеди, то президент согласен уступить. Разумеется, на подготовку мероприятия уйдет несколько месяцев, и соглашение необходимо будет сохранить в строгом секрете. Во всем Вашингтоне об этом будут знать лишь два или три человека, не считая самих братьев Кеннеди.

В заключение Роберт заявил, что президент хотел бы получить ответ Хрущева завтра же. Нет, это не ультиматум — просто «настоятельная просьба». Президент «надеется, что глава советского правительства понимает, что имеется в виду». Кроме того, Кеннеди особенно просит Хрущева не писать больше «длинных писем», а отвечать коротко и по существу. На прощание Роберт дал Добрынину телефонный номер для прямой связи с Белым домом¹⁴⁷.

В воскресенье, 28 октября, рано утром Хрущев получил известие о сбитом над Кубой У-2. Кроме того, в кабинете на столе его ожидало письмо от Кеннеди. Президиум собрался в полдень на подмосковной даче в Ново-Огареве (той самой, где три десятилетия спустя Михаил Горбачев и лидеры союзных республик пытались спасти СССР заключением нового союзного договора). Время от времени Хрущев использовал эту дачу для приема иностранных гостей или для неформальных встреч Президиума. Но в этот день, вспоми-

нает Трояновский, атмосфера была «в состоянии достаточно высокой наэлектризованности». Говорил, по сути, один Хрущев — лишь иногда вставляли свои замечания Микоян и Громыко. Другие «предпочитали помалкивать, — рассказывает Трояновский, — как бы давая понять: сам нас втянул в эту историю, сам теперь и расхлебывай»¹⁴⁸.

Начал Хрущев с напоминания об одном из тяжелейших поражений Ленина — Брестском мире. «Это решение было продиктовано нашими интересами — мы должны были спасти Советскую власть. Теперь мы оказались лицом к лицу с опасностью войны и ядерной катастрофы... Чтобы спасти мир, мы должны отступить. Я собрал вас здесь, чтобы посоветоваться и обсудить, готовы ли мы к такому решению»¹⁴⁹.

Прежде чем обсудить (или, точнее, принять без обсуждения) предложение Хрущева, Президиум разработал инструкции для генерала Плиева. Предыдущим утром Плиев сообщил, что в случае нападения американцев готов использовать «любые средства противовоздушной обороны», и поначалу Хрущев и Малиновский одобрили его решение. Однако позже в тот же день, примерно в то же время, когда послание Хрущева звучало по московскому радио, Плиеву было «запрещено» использовать ядерное вооружение «без специальных указаний из Москвы». Теперь же, двадцать восьмого, Президиум решил позволить Плиеву отвечать ударом на удар, однако не отменил предыдущее распоряжение о запрете на использование ядерного оружия¹⁵⁰.

Затем Хрущев попросил Трояновского зачитать вслух письмо Кеннеди от двадцать седьмого числа, копии которого в белых конвертах лежали перед каждым членом Президиума. Перед подписью Кеннеди в конце письма не было обычного «искренне Ваш» — зловещий признак. Когда Трояновский закончил, Хрущев спросил, что думают об этом члены Президиума. Но ответить никто не успел. Трояновского попросили к телефону: звонили из МИДа, где только что получили отчет Добрынина о беседе с Робертом Кеннеди. Трояновский пересказал отчет; когда он кончил, его попросили повторить еще раз. «Весь тон высказываний» Кеннеди, писал позже Трояновский, показывал, что «час расплаты наступил». После этого «собравшиеся довольно быстро пришли к согласию в том, что условия президента Кеннеди следует принять». Еще одно свежее сообщение от разведки помогло понять, что о согласии Хрущева Кеннеди должен узнать как можно быстрее. Агент КГБ в США сообщал, что в тот же день в 17.00 по московскому времени президент намерен обратиться к нации. Президиум предпо-

жил, что Кеннеди собирается объявить о воздушном ударе или вторжении на Кубу. (Впоследствии выяснилось, что предполагалось повторение речи президента от 22 октября.)¹⁵¹

Хрущев снова вызвал стенографистку и начал диктовать: «Уважаемый господин президент! Получил ваше письмо от 27 октября с. г. Выражаю свое удовлетворение и признательность за проявленное Вами чувство меры и понимание ответственности, которая сейчас лежит на нас...» Хрущев принял условия Кеннеди (как и просил президент, ни словом не упомянув о Турции). Советское правительство «отдало распоряжение о демонтаже вооружения, которое вы называете наступательным, и о возвращении его в Советский Союз»¹⁵².

Письмо Хрущева было «выправлено» (как называли эту работу редакторы) и передано Михаилу Смирновскому, главе американского отдела МИДа, для передачи в американское посольство; другой экземпляр письма секретарь ЦК Леонид Ильичев передал в радиокomitee с тем, чтобы оно было оглашено до пяти часов. Перед посольством Смирновскому пришлось остановиться из-за толпы демонстрантов, скандировавших: «Руки прочь от Кубы!» Ильичев доставил свой экземпляр на радио вовремя. Обычно диктору давали время заранее просмотреть текст, но в этот раз Ильичев приказал немедленно дать его в эфир¹⁵³.

Помимо публичного письма, Хрущев отправил Роберту Кеннеди секретное послание, в котором предупреждал его, что о положительном ответе Москвы будет сообщено по радио. Сообщили об этом и Фиделю Кастро, который, разумеется, пришел в ярость, узнав, что судьба его родины решалась без его совета и согласия. Хрущев даже не стал отсылать ему копию письма, заявив: «Этот текст сейчас читается по радио, и вы, конечно, его слушаете». Далее Хрущев призывал своего горячего кубинского друга «не поддаваться эмоциям» — как вчера, когда «вы сбили один из американских самолетов», поддавшись таким образом на явную провокацию. Почему Хрущев обвинил Фиделя в том, что, как ему было точно известно, сделали советские ПВО, — неясно.

Тем временем семью Хрущева перевезли из особняка на Ленинских горах на подмосковную дачу, располагавшуюся всего в десяти минутах езды от Ново-Огарева. Часы тянулись томительно. Нина Петровна стоически смотрела телевизор, Сергей бесцельно бродил по дому. Когда по радио в исполнении знаменитого Левитана прозвучало наконец послание Хрущева, Сергей воспринял его как «постыдное поражение»¹⁵⁴.

Хрущев и его коллеги в Ново-Огареве тоже слушали радио. По окончании передачи Хрущев предложил всем по-

ехать в театр. Трояновский просмотрел театральные афиши в газетах: решено было отправиться на выступление болгарских артистов. По пути Хрущев заехал к себе на дачу за родными и в дом на Ленинских горах, чтобы переодеться. Уже после спектакля он вновь забеспокоился о том, что не упомянул в своем послании о турецких ракетах, — и ночью подготовил еще одно секретное письмо президенту, в котором просил подтверждения, что «вы согласились решить вопрос о ваших ракетных базах в Турции согласно с тем, что писал я в своем письме от 27 октября и что заявили вы в тот же день через Роберта Кеннеди на встрече с послом Добрыниным»¹⁵⁵.

Русский текст этого последнего письма был отправлен в советское посольство в Вашингтоне в 5.15 утра 29 октября. Хрущев стремился получить от президента письменные гарантии, чтобы при необходимости иметь возможность опровергнуть обвинения в «капитуляции перед империалистами». Однако, когда Добрынин передал это письмо Роберту Кеннеди, брат президента подтвердил договоренность устно, но принять письмо отказался.

Ночь с субботы на воскресенье стала самой напряженной и в Вашингтоне. Пока Хрущев не уступил, вторжение на Кубу казалось неминуемым. В «черную субботу», как прозвали ее американские политики, многие из них спрашивали себя, проживут ли еще неделю. Не меньше тревожились и Добрынин со своими помощниками: по их информации, первая бомбардировка Кубы должна была начаться самое позднее в ночь с 29 на 30 октября.

Воскресная встреча Исполнительного комитета была назначена на 10.00. Кеннеди еще лежал в постели, читая «Нью-Йорк таймс», когда пришло известие, что по московскому радио будет передано важное сообщение. В 9.00 советский диктор прочел послание Хрущева. Смысл его был ясен и однозначен: «Демонтаж... возвращение в Советский Союз...» К полудню президент составил ответное письмо, в котором благодарил Хрущева за «важный вклад в дело обеспечения мира»¹⁵⁶.

Кризис остался позади. Впереди ждали нелегкие переговоры об исполнении соглашения, жаркие споры о том, кто же выиграл и кто проиграл. Сам Хрущев 28 октября чувствовал себя победителем, едва ли не спасителем мира: немало времени понадобилось, чтобы горькая истина проникла в его сознание, став одной из причин бесславного конца его карьеры.